

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ

Домик на реке

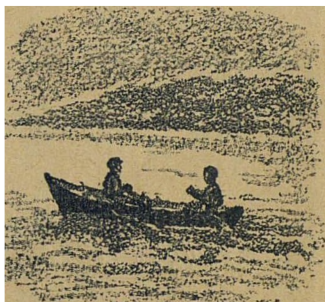

ДЕТГИЗ - 1947

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ

ДОМИК НА РЕКЕ

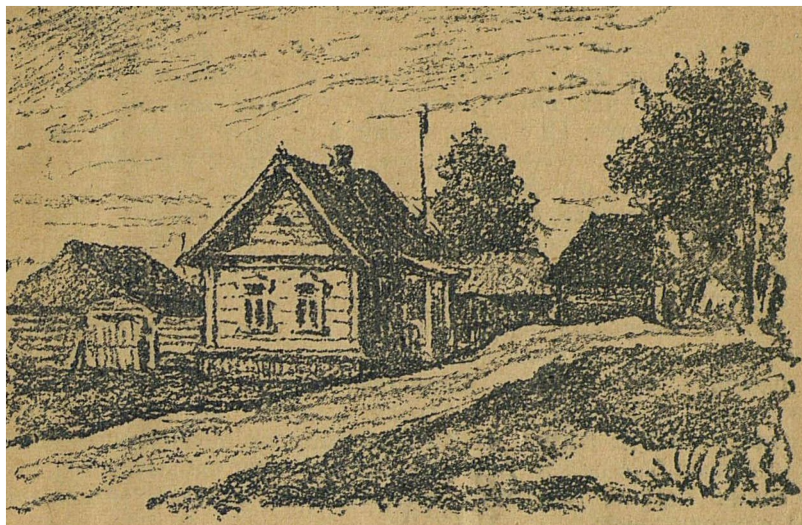
ПОВЕСТЬ

Рисунки Б. Винокурова

*Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1947 Ленинград*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В РОДНОМ ГОРОДЕ

1

— Нести буду я, — сказал Коля и торопливо схватил две самые тяжелые корзины, чтобы их не успела схватить мама. Покраснев от усилия, он двинулся по шпалам туда, где прежде стояло здание вокзала.

Коля был уже выше мамы, и она, смеясь, звала его Колоколей. И часто с тревогой взглядывала на него: плечи узкие, шея тоненькая. Лучше рос бы не так быстро, да стал бы покрепче.

Она старалась от него не отстать в толпе, хлынувшей вместе с ними с поезда, и почти бежала, таща мешочки и чемоданчики, связанные между собой полотенцами. А он поспешно шагал, чтобы пройти как можно дальше не передохнув. Корзины валили его с ног, но он боялся, что мама заметит, как ему тяжело, и тащил. Пот затекал ему в глаза, и он почти ничего не видел. Наконец он совсем выбился из сил, поставил корзины, выпрямился и вытер лоб.

Теперь развалины вокзала, похожие на старую крепость с зубчатыми стенами, арками, башнями, были совсем близко. Прошло почти четыре года с того дня, когда мама и Коля уезжали отсюда. Тогда вокзал был цел и казался Коле огромным. Их провожал папа: посадил их в вагон, перетаскивал корзины, которых было куда больше. Весь тот день из-за реки доносился гул орудий. Самолеты, блестя на солнце, выли в синем небе; дробно щелкали зенитки; асфальт внезапно вздрагивал под ногами от дальних взрывов авиационных бомб. Но вокзал был цел тогда и успокаивал своим привычным видом: своими часами, газетными киосками, багажными тележками, мороженщиками.

Теперь от вокзала ничего не осталось, кроме двух зубчатых стен с широкими проломами, и самым удивительным казалось то, что стены эти попрежнему были вокзалом. Хотя толпа совершенно не считалась с расположением дверей, а шла прямо в проломы, пробитые в стенах снарядами, Коля, войдя вместе со своими корзинами в разрушенное здание, увидел, что вокзал жив. Вместо потолка над Колей было пасмурное небо, в котором кружили черные галки, но мимо него с грохотом пронеслись тележки, развозившие багаж, перед кассами стояли очереди, девушки в железнодорожной форме проверяли билеты, лягали весы, взвешивая тюки и чемоданы, в новеньком, светло выкрашенном киоске продавали воду с разноцветными сиропами, даже на какой-то дощатой перегородке с дверью висела надпись: «Комната матери и ребенка».

Коля протаскил корзины почти через весь вокзал, но возле пролома, за которым уже видна была привокзальная площадь, снова опустил их на пол. У него звенело в ушах, сердце громко

стучало, и он чувствовал, что не может протащить корзины больше ни шагу. А ведь их нужно пронести через весь город до самого дома. Ему было неловко перед мамой. Он чувствовал, что она стоит рядом и ждет. Он боялся взглянуть на нее.

— Ну, теперь я, — сказала мама и протянула руку к корзине.

Но Коля отвел ее руку в сторону:

— Я сейчас... Еще полминутки...

Он жадно глотал воздух, чтобы скорее отдышаться.

— Эй, донести? — крикнул сухонький старичок в солдатских ботинках и обмотках.

Мама внимательно посмотрела на него. Он не внушал ей доверия.

— Куда вам? — спросил он.

— В слободу.

Старичок назвал цену.

Мама покачала головой.

— Сколько же дадите?

Мама назвала свою цену.

Старичок засунул руки в карманы и отошел.

Однако он остановился и стал смотреть на них. Мама сделала вид, что его не замечает.

— Мама, я уже отдохнул, — сказал Коля. — Я донесу.

— Оставь.

Старичок подошел опять. На этот раз он снял кепку.

— А я вас признал, — сказал он, крутя пальцами острую бородку. — Ведь вы здешняя.

— Здешняя, — сказала мама.

— Учителя жена?

— Да, — сказала мама.

— Николая Николаевича?

— Да.

— А это его сынок?

Мама кивнула.

— Похож. Так я вам донесу.

— А сколько возьмете?

— Сочтемся.

Старичок был ростом не выше Коли, однако он с такой легкостью взвалил себе на плечи все корзины и мешки, обвязав их ремнем, словно они были пустые. Нагруженный, он быстро зашагал. Коля едва поспевал за ним.

— Не отставай! — шепнула мама.

Она все-таки побаивалась, как бы человек этот не скрылся с вещами. Коля старался не отстать. Он был удручен тем, что не может донести вещи сам: у мамы так мало денег.

2

Они покинули вокзал и вышли в город — впереди человек с вещами, за ним Коля, за Колей мама.

Коля родился в этом городе, и ему было уже девять лет, когда его увезли отсюда. Там, на Урале, в эвакуации, он не только ничего не забыл, но с каждым днем вспоминал свой родной город все чаще и отчетливей. Воспоминания находили на него внезапно, когда он меньше всего ждал их. Идя по чужой пыльной улице летом, он вдруг вспоминал заметенный снегом дворик своего родного дома, скворечник на раскидистой голый иве и две протоптанные в снегу тропинки — одна к воротам, другая к колодцу. Это внезапное воспоминание охватывало его с такой силой, что он останавливался посреди улицы, забыв, куда идет.

Или вдруг вспоминал ручей, который течет в апреле вдоль тротуара мимо белых стен собора, мимо каменной ограды старого кладбища, все вниз да вниз, потом сворачивает на Козловскую улицу и с шумом пропадает в круглом отверстии, загороженном железной решеткой. Или нагретый июльским солнцем крутой спуск к реке, заросший жесткой вытоптанной травой, и горячие шершавые доски мостков над водой, текущей со звоном, пронизанной солнцем, полной крохотных рыбок, которые словно солдаты стоят в строю целыми полками и поворачиваются все сразу, как по команде. Или улицу Ленина с подстриженными липами, с четырехэтажными желтыми, белыми и голубыми домами, с кремовым зданием кинотеатра

«Авангард» и громадой нового универмага, перед грандиозными стеклянными дверями которого Коля всегда испытывал трепет. Или железнодорожный мост через реку, которым гордился весь город.

Этот мост Коля вспоминал особенно часто, потому что он был виден почти со всех улиц города. Он как бы висел над городом, кружевной, узенький, гулкий, бросая свою тонкую тень на гладь реки. Коля вспоминал его то утопающим в солнечном блеске, то словно нарисованным в тумане, то отмеченным в черном ночном небе горбатыми линиями огней.

Он часто видел свой город во сне, а чем дальше, тем чаще. Это были счастливые сны. Приснится ему какой-нибудь заброшенный переулочек с косыми заборами, с березками, черные прутья которых разубраны инеем, с крестиками вороньих следов на снегу, и сердце замирает от сладкого чувства, что он снова здесь, что он снова все это видит. И какая грусть охватывала его, когда он просыпался после такого сна! Каким недосыгаемым казался этот переулочек!

Но, выйдя из вокзала в свой город, столько раз вспоминавшийся и снівшийся, Коля ничего не узнал. Той улицы, которая вела от вокзала к центру города, не было. Не было и никаких других улиц. Человек, который нес вещи, уверенно повел их сквозь целый лес печей и кирпичных труб, стоявших на голой земле под открытым небом. Они проходили через калитки несуществующих заборов, через ворота исчезнувших дворов, взбирались на груды камней и все время обходили большие круглые ямы, полные черной воды, в которую при их приближении звонко плюхались лягушки.

Небо было пасмурно, и в низком пасмурном небе над разрушенным городом кружились галки, как живая, движущаяся сеть. А на земле повсюду — среди камней, печей и ям — с необычайной пышностью разрослась бузина. Когда-то таившаяся в глубине дворов, в глухих переулках, возле помоек, она словно вырвалась на волю и завладела всем городом. Коле то и дело приходилось раздвигать ее длинные зеленые прутья. В ее непроходимых зарослях валялись кирпичи, железные кровати, дырявые ведра, бочки, трехногие стулья.

Но как разрушенный вокзал был вокзалом, так и разрушенный город был городом. По узким тропинкам среди труб и ям шли женщины в брюках, перепачканных известкой, рабочие с топорами, лопатами, ломami, служащие с портфелями, домохозяйки с корзинками. Мальчишки шныряли в кустах бузины, девочки прыгали через веревочку. Из-за развалин и зарослей доносились гудки автомобилей.

— Где же живут? — спросила мама у человека, который нес вещи.

Ее лицо, всегда сдержанное, спокойное — от выработанной за войну привычки не показывать своего удивления или недовольства, — было растерянно. Она ко многому была готова, но такого разрушения не ожидала.

— Кто где, — ответил носильщик.

И, помолчав, прибавил:

— Под землю.

И сразу же Коля заметил голубые столбики дыма, то там, то здесь вырывавшиеся из-под земли. Тропинка, по которой они шли, обходила окна, лежавшие среди травы и глядевшие прямо в небо. Некоторые землянки имели вид холмиков, у них были лесенки, ведущие вниз, и там, внизу — настоящие двери. В этих хороших землянках, построенных красноармейцами, когда здесь проходил фронт, жили счастливые. Многие семьи жили просто в круглых ямах-воронках, покрыв их досками и насыпав сверху земли, и даже в противотанковых рвах. Уничтоженный город ушел под землю, но продолжал жить.

Одно только огромное здание нового универмага попрежнему возвышалось над всем городом. Галки особенно густо кружились над ним.

Проходя мимо, Коля заглянул в широкие окна с выбитыми стеклами, но ничего не увидел внутри, кроме переплетения обрушившихся, железных балок.

За универмагом внезапно открылась ширь реки, сегодня такая же сумрачная, как небо, и над нею — железнодорожный мост.

Широкие арки его попрежнему отражались в воде, у подножия серых быков белели пенистые буруны. Первая арка, вторая.

Но третьей и четвертой не было. Потом пятая арка и шестая — у того берега. Середина моста была вырвана.

Рядом с прежним мостом был теперь новый мост, временный, деревянный. Низенький, он, казалось, стлался по воде. Маленький паровозик бежал по деревянному мосту, выпуская белые облачка пара.

Коля, не отрываясь, смотрел на разрушенный мост.

— Кто его взорвал? — спросил он. — Немцы? Чтобы наши не могли переправиться за ними на тот берег?

— Нет, — сказал старичок, который нес вещи. — Его взорвали раньше, чтобы немцы не могли уйти через реку.

— Кто же его взорвал? Партизаны?

— Мы сами думали, что партизаны.

— Не партизаны?

— Не знаю. Говорят, партизан в то время здесь уже не было. Но кто бы ни взорвал, а вышло хорошо. Когда наши ударили, немцы побросали все — пушки, танки — и кинулись вплавь через реку.

Казалось невероятным, чтобы домик, в котором они жили до войны, уцелел. А между тем две недели назад они неожиданно получили письмо от своей бывшей соседки Агаты, в котором она писала, что вернулась домой, в свою комнату, и ждет их, и они снова будут соседями.

Коля хорошо помнил эту Агату. Агата была толстая девушка с огромной светлой косой толщиной в руку. Она любила колоть дрова, забивать гвозди, и Колин папа постоянно подшучивал над ее силой. Коля всегда кидался к ней с разбегу, и она хватала его за бока и поднимала на руках в воздух. Агата жила с ними в одной квартире, и комната ее была рядом с их комнатой. Она пишет, что вернулась в свою комнату. Значит, и их комната уцелела.

Дом их стоял не в самом городе, а в слободе, тянувшейся на несколько километров над рекой. Берег там был низкий, сыроватый, и огромные ивы росли между домами. И когда Коля с горки глянул вниз и увидел серебристо-зеленые шапки ив и красные крыши между ними, он вскрикнул от радости и побежал. Он понял, что слобода уцелела.

Мама побежала тоже. Коля, конечно, впереди. Нет, не вся слобода уцелела. Булочная, которая была здесь, на углу, сгорела. Но вот тот дом стоит, и вот этот. Какие они стали маленькие, эти дома, словно съжились, — наверно, оттого, что Коля вырос. Вот и знакомый забор. Вот ворота.

Коля влетел в ворота, на двор родного дома. Ива, растущая возле крыльца, простирала свои ветви почти над всем двором, заслоняя небо. Коля хотел взбежать на крыльцо. Но на крыльце стояла небольшая худенькая женщина. Она так странно и пристально посмотрела на Колю, что он остановился.

Во двор вбежала мама. Она вскрикнула и кинулась на крыльцо к незнакомой женщине. Они обнялись.

3

— Агачка, это ты? — воскликнула мама, целуя женщину, и заплакала.

Женщина заплакала тоже.

Они плакали оттого, что были счастливы, и оттого, что так много горя минуло с тех пор, как они расстались.

Коля стоял под ивой оцепенев. Он не знал, верить или не верить. Он не находил ни одной общей черты между той толстой, белозубой, румяной девушкой с длинной косой, которую он помнил, и этой стриженной худенькой женщиной. Мама повернула к нему свое мокрое от слез лицо и сказала:

— А это Коля. Вырос, правда?

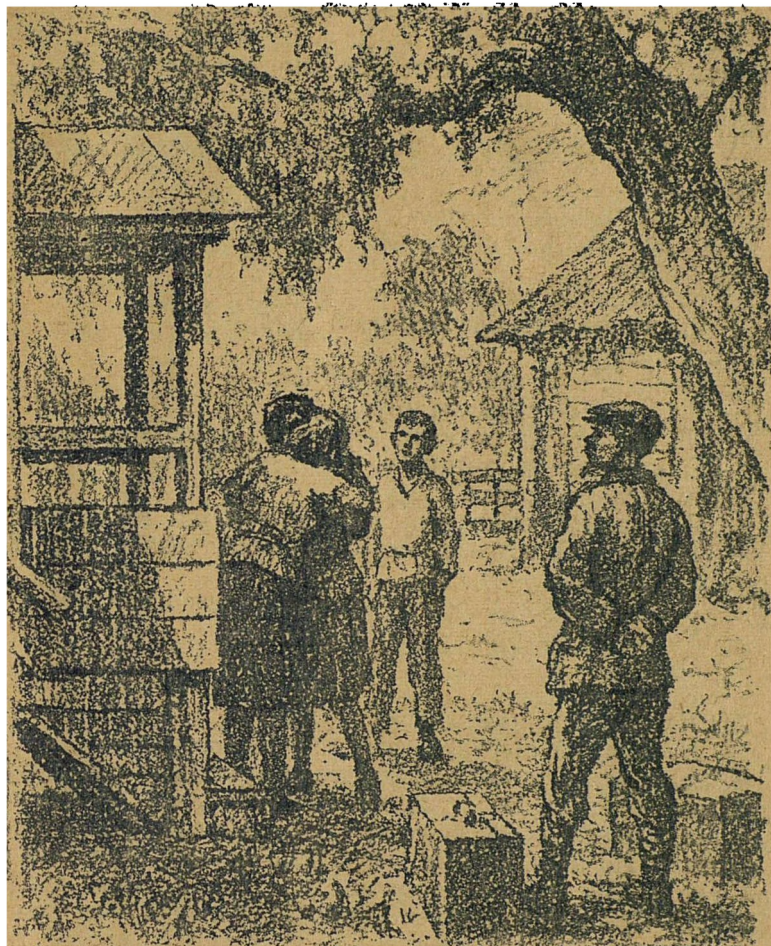
Женщина на крыльце торопливо вытерла платком глаза и тоже повернулась к Коле.

— Он стал очень похож на... — сказала она и, не договорив, осеклась.

Она чуть было не помянула о погибшем Колином отце и испуганно взглянула на маму.

Мгновенная тень мелькнула в маминых глазах, но сразу исчезла.

— Коля, ты разве не узнаешь Агафью Тихоновну? — сказала мама. — Поди поздоровайся.

Коля подошел. Агата поцеловала его в лоб. Тут только он узнал ее. У нее были милая ямочка на подбородке, такая же, как прежде, и серые, широко расставленные глаза.

Человек с вещами вошел во двор и остановился под ивой.

Мама совсем забыла о нем и не заметила его. Он поставил корзины на землю, снял кепку и сказал, чтобы обратить на себя внимание:

— Здравствуйте, Агафья Тихоновна. Вот, привел вам путешественников.

— Здравствуйте, Архипов, — сказала Агата.

Мама подошла к нему, раскрыла сумочку и спросила, сколько она должна.

Но он словно не расслышал и спросил Агату:

— Вы завтра Виталия Макарыча увидите?

Агата кивнула.

— Скажите ему, что пока ничего нет.

— Чего нет? — спросила Агата.

— Он поймет. Да скажите, что завтра я опять на вокзале.

— Сколько же вы хотите? — повторила мама.

Он ласково посмотрел на нее.

— Я у вас не возьму, — сказал он, — я так, по соседству.

— Ты разве не помнишь мальчиков Архиповых? — спросила

Агата маму. — Они учились у...

— А! — воскликнула мама. — Где же ваши мальчики?

— Убиты на фронте, — сказал Архипов.

— Оба?

— Оба.

Он попрощался, надел кепку и ушел.

— Несчастный старик! — сказала мама огорченно.

Комната мамы и Коли оказалась совершенно пустой — ни кровати, ни стола, ни стула. Агата сказала, что у нее есть кушетка, лишняя, и эту кушетку можно пока поставить к ним в комнату. Но мама решила, что нужно прежде всего вымыть пол и окна. Она всегда все начинала с мытья. Коля схватил ведро и побежал к колодцу с журавлем. Колодец был совсем такой, как прежде, и когда журавль заскрипел, Коля вздрогнул от радости: так скрипел один только этот журавль на всем

свете. А между тем по дому уже разносился запах подсолнечного масла — Агата жарила картошку на всех. Они наскоро пообедали в Агатиной комнате. Потом мама разулась, подоткнула юбку и принялась за мытье. Вода разбегалась по стертым половицам.

Коля сидел в углу на корзине, а Агата стояла в дверях.

Она была молчалива. Нервным, порывистым движением руки она поминутно откидывала волосы, падавшие на лоб. Рассказала только, что все время оккупации прожила в деревне у тетки, а теперь будет снова работать здесь, в школе — преподавать арифметику. Впрочем, об этом она писала уже в своем письме. Зато мама, шлепая босыми маленькими ногами по мутной воде, говорила много и оживленно. Она была возбуждена возвращением домой и все не могла успокоиться. Она рассказывала, как они жили сначала в Ярославской области, потом в Челябинской, как она работала зимой в детском саду, а потом в колхозе; очень смешно передразнивала свою челябинскую квартирную хозяйку и сама смеялась.

Смеясь, рассказывая, мама все вымыла. Перенесли кушетку, нашли в коридоре кухонный столик и поставили на то место, где прежде стоял папин письменный стол. Мама открыла корзину и вынула оттуда коврик.

Этот коврик Коля знал с тех пор, как себя помнил. Он висел когда-то на стенке в этой комнате. На нем вышиты были белки: одна глядит вправо, другая — влево, третья — опять вправо, четвертая — влево, и так дальше. Этих чередующихся белок Коля, когда учился говорить, прозвал почему-то «вери-мери». Так коврик этот до сих пор мама и Коля называли «вери-мери».

За время войны они часто переезжали с места на место, жили во многих чужих домах, и всюду мама прежде всего вешала на стенку «вери-мери». И в чужой, непривычной комнате сразу появлялось что-то родное. Этот коврик был как бы частичей их дома, всюду следовавшей за ними.

Теперь «вери-мери» повесили над кушеткой, на то самое место, где он висел когда-то.

Стол накрыли клеенкой и придвинули к нему самую большую корзину — вместо стула. День кончился, уже темно.

Взорванная немцами электростанция еще не работала, и Агата принесла коптилочку — аптечную склянку с фитильком. Коптилку поставили на стол, на то место, где когда-то стояла папина лампа, и на фитильке вспыхнул огонек, словно желтая капля. И едва вспыхнул огонек, на стенах зашевелились тени — мамина и Агатины, — совсем так, как до войны.

И вдруг Коля вспомнил, как он лежал вот в этом углу на кровати, и огромная папина тень, слегка качающаяся, чернела на стене, задевая головой потолок. Сейчас этой тени не было, и никогда уже не будет.

Слезы подступили к Колиным глазам. Но он справился с ними. Он никогда не плакал при маме.

— Мама, я пойду погулять, — сказал он.

Ему не хотелось, чтобы мама поняла, о ком он думает.

4

С тех пор как из штаба партизанских отрядов пришла бумажка, в которой сообщалось, что папа погиб, мама и Коля никогда о нем не говорили.

В первые дни гибель его казалась такой страшной, что они просто не могли выговорить ни одного слова о папе. А потом это вошло в обычай, образовалась как бы преграда, которую ни он, ни она никогда не переступали. Они щадили друг друга.

Но им и не надо было говорить о нем. Коля безошибочно угадывал по маминому лицу, когда она думала о папе. Она думала о папе почти всегда. Она ничем не выдавала себя — говорила о карточках, о булочной, о погоде, о штопке чулок, но Коля знал, что все ее слова значат одно: папы нет.

Она никогда не плакала — ни в первые дни, ни потом. Соседки в Челябинске возмущались и считали ее бесчувственной. Но каждую ночь она стонала во сне. Она стонала чужим, незнакомым голосом, совсем не похожим на ее дневной голос. Разбуженный стонами, Коля лежал в темноте, боясь шевельнуться, и слушал. Он не знал, спит она или не спит, и не решал-

ся ее разбудить, потому что она была бы недовольна, если бы узнала, что он слышал, как она стонет.

После смерти папы в ее отношениях с Колей произошла перемена. Прежде она часто кричала на него, когда он плохо себя вел. Особенно сердилась она, если он рвал одежду, потому что новой одежды достать ему не могла. Но спустя недели три после папиной смерти он, вместо того чтобы войти в сад через калитку, влез на забор, а потом, прыгнув, зацепился за кол и разорвал штаны сверху донизу. И мама, к его ужасу, не сказала ему ни слова. Она зашила штаны, не побранив его. После этого он дня три ходил только по самой середине улиц, боясь, как бы за что-нибудь не зацепиться.

Он тоже переменился и больше не корчил недовольного лица, когда мама посылала его в огород или за водой. Он теперь сам следил за тем, есть ли дома вода, и выхватывал у мамы из рук карточки, когда она собиралась идти за хлебом. Она теперь гораздо реже, чем раньше, просила его помочь ей, но у него образовалась привычка заглядывать ей в лицо, чтобы угадать, не может ли он чем-нибудь помочь. Он очень вытянулся за последние месяцы, и вдруг оказалось, что она ниже его ростом, и он стал понимать, что она маленькая и слабая. Иногда, как бы нечаянно, он стал называть ее Марфинькой. Так называл ее папа. Так и он сам, подражая папе, называл ее, когда был совсем мал. Потом он привык называть ее мамой и называл Марфинькой только про себя, в мыслях. Теперь, если не было посторонних, он снова вслух называл ее Марфинькой, и она на это не сердилась.

О папе он не говорил не только с мамой — ни с кем. В Челябинске он учился в школе, в пятом классе, и у него было много товарищей, но о папе он не рассказывал ни одному из них. Не любил он там ни с кем говорить и о том, как он хочет домой, в родной город.

С ним училось немало мальчиков из Москвы и Ленинграда, и все они очень гордились своими знаменитыми городами и очень много говорили о том, как они вернутся туда. Город, в котором родился Коля, был не велик и не знаменит, и там, на Урале, многие даже не знали, где он находится и на какой реке

стоит. Но Коля любил свой город. Не за красоту, не за славу, а за то, что все в нем было связано с папой.

Вспоминая улицы, дворы, набережные родного города, птиц, деревья, зиму и лето, Коля сразу вспоминал папу. Под ивой во дворе папа сидел на стуле и читал книгу, а Коля у его длинных ног строил крепость из песка и камешков. На реку, на шершавые горячие мостки, они вдвоем ходили удить рыбу. Папа ставил Колю на каменную ограду старого кладбища, и Коля, гордый, бежал по ней, держась за поднятую лапину руку. А когда Коля поступил в школу, они ходили туда с папой вместе: Коля — учиться, папа — на работу. С каким удовольствием шагал Коля по тротуару улицы Ленина рядом с папой, таким высоким, важным, и разговаривал с ним о разных умных вещах — о людях каменного века, о мамонтах, о том, что на луне нет воздуха! А как он гордился в школе, что этот высокий человек с подстриженной светлой бородкой, заведующий учебной частью, которого слушаются не только ученики, но и учителя, о котором почтительно говорят: «Сам Николай Николаевич!» — его папа!

Когда немцы подходили к городу, Коля и мама уехали, а папа остался.

Коле тогда сказали, что он выедет вслед за ними через несколько дней, и Коля сначала поверил этому. Но мама, конечно, все знала, и Коля тоже скоро догадался — видел, что мама не ждет.

Папа остался в городе с партизанами, и два с лишним года не слышали они о нем ничего, а потом пришло извещение о его гибели.

Коля вышел на крыльцо. Уже совсем стемнело. Дул теплый ветер, и огромная ива шелестела над его головой своей тяжелой, незримой во мраке листвою — словно озеро шумело вверху. И Коля внезапно вспомнил этот шум: ива вот так же шумела под ветром и тогда, до войны. Она уцелела, старая ива, а город, лежащий кругом во тьме, разрушен. Папа был здесь, в городе, когда сюда входили немцы, он бродил при немцах по этим улицам, он видел все, чего не видел Коля. Они охотились за ним, они травили его. Где он прятался? Где спал, где ел? Он

жил странной, удивительной жизнью, которую нельзя себе даже представить. Ему было холодно, голодно, больно. Он ничего не знал о Коле и маме, но он думал о них. Что он думал? Он был здесь, когда наши прорвали фронт далеко на востоке и уже двигались к городу. Как он, наверно, ждал! Он, может быть, был жив еще даже тогда, когда немцы перед уходом взрывали и жгли дома.

И вот немцы выгнаны, город свободен, мама и Коля вернулись домой, а его нет и никогда не будет...

Он, конечно, умер как герой — Коля ни одного мгновенья не сомневался в этом. Он, конечно, совершил какой-то подвиг, спасая от гибели тысячи людей, расчищая нашей армии путь к победе. Но какой подвиг? Этого Коля не знал. Если бы только знать, что он делал, что думал, как погиб! Чтобы он жил хотя бы только в уме, только в памяти, чтобы можно было, оставшись наедине, поговорить о нем.

Далекие гудки паровозов звучали в темноте печально и звонко.

Постояв на крыльце, Коля вдруг озяб — не оттого, что было холодно, а оттого, что он очень устал за день. Он вернулся в комнату, разделся и лег на сенничке, который мама расстелила для него на полу возле кушетки. Огонек на коптилке мигал, и белочки на коврике «вери-мери», казалось, двигались, как живые.

Мама и Агата сидели за столом и разговаривали прерывистым быстрым шопотом.

Слов их Коля не слышал, да и не прислушивался. Он засыпал.

И вдруг, за мгновенье до сна, он услышал, как Агата сказала:

— Немцы убили их всех разом, весь отряд, восемнадцать человек, накануне того дня, когда взорвали мост.

У Коли все похолодело внутри. «Это она о папиной гибели», понял он.

— Говорят, их кто-то предал, — сказала Агата.

Мама заплакала. Наконец-то! Хорошо, что она плачет.

НАКРЫШЕ

1

— Приходи через полчаса, он еще спит.

При этих словах Коля проснулся.

Мама, уже одетая, разговаривала с кем-то через открытое окно. Голос у нее был спокойный, обыкновенный, как всегда. Уж не приснилось ли Коле, что она вчера плакала? Солнце озарило ее, золотя ей волосы.

— Марфинька, кто там? — спросил Коля.

— Вставай скорей, это Степочка.

Коля сразу вскочил.

— Зачем ты его отпустила? — сказал он с нетерпением. — Я уже не сплю. Позови его!

— Он сейчас придет, — ответила мама. — Он уже раза четыре подходил сюда, под окошко.

Степочка был лучший Колин друг. Они когда-то оба учились здесь в школе, в первом классе. Они вместе уехали в эвакуацию и вместе жили в Ярославской области. Там они целое лето строили корабли и пускали их плавать в пруд. У них были маленькие корабли — из сосновой коры, и большие — вырезанные из целого полена. Вначале они увлекались парусным флотом. Ветер надувал бумажные паруса и гнал корабли с одного берега пруда на другой. Они приделали к каждому кораблю киль и руль, и корабли стали ходить под углом к ветру, как настоящие. Потом они построили винтовой корабль. Жестяной винт приводился в движение резинкой, туго намотанной на катушку. Этот корабль мог идти своим ходом целых тридцать секунд.

Потом им пришлось расстаться — Коля уехал на Урал, а Степочка остался в Ярославской области. Они переписывались. Степочка рисовал корабли и морские сражения и присылал свои картинки Коле. Он великолепно знал все типы кораблей и срисовывал их с открыток и плакатов, которые присылал

ему отец, служивший в Черноморском флоте. Весной 1944 года отец Степочки был убит, и Степочка написал об этом Коле. В родной город вернулся он уже месяц назад вместе со своей тетей — матери у него не было.

Едва Коля успел умыться, как Степочка снова появился под окном. Коля махнул ему рукой, и Степочка вошел в комнату. От радости и застенчивости они только кивнули друг другу и остановились возле кушетки, не зная, что сказать и сделать.

Степочка почти не изменился. Он был невелик ростом для своих тринадцати лет — гораздо ниже Коли, но шире его. Лицо у него было круглое, словно очерченное циркулем, нос короткий, задранный, волосы торчали ежиком. В длинных флотских брюках, неуклюже перешитых из отцовских, он казался еще меньше. Вообще весь он был такой кругленький и маленький, что никто не звал его Степой, а только Степочкой. Колина мама погладила его по голове. Он вывернулся из-под ее руки и насутился. Он чувствовал себя суровым и серьезным человеком и не любил, когда с ним обращались, как с ребенком.

— Хорошо, что ты наконец приехал, — сказал он Коле властно. — Ты мне очень нужен для одного дела.

Так же властно разговаривал он с Колей и тогда, когда они вместе пускали на пруду кораблики.

Коля очень хотел узнать, для какого дела нужен он Степочке, но понимал, что Степочка при маме ничего не скажет, и не спросил.

Горячая вареная картошка уже стояла на столе, и мама разложила ее по двум тарелкам — одну Коле, другую Степочке. Степочка сначала упорно отказывался, ни за что не соглашался поесть. Но маме удалось уговорить его, и он сел рядом с Колей на корзину и съел очень много, не замечая, как мама подкладывала ему все новые и новые картофелины.

Он торопился в школу, так как вместе со многими другими мальчиками работал по восстановлению школьного здания. Решено было во что бы то ни стало отремонтировать хоть часть помещения к первому сентября, чтобы во-время начать занятия.

— Ты будешь работать в моей бригаде, — сказал он Коле уверенным голосом начальника, который привык, что с ним не

спорят. — У нас самая интересная работа — мы ведь работаем малярами. Я уже говорил Витмаку, что ты будешь работать со мной, когда приедешь, и он согласился. Витмак слышал о тебе и очень тебя ждет.

— Какой Витмак?

— Виталий Макарыч, наш новый завуч. Он распоряжается всем ремонтом.

Поев, они отправились в школу. Утро было солнечное, ясное, и залитый сиянием разрушенный город не казался таким мрачным и безрадостным, как вчера. Осколки стекол, валявшиеся повсюду, блестели ослепительно; дымы, вырывавшиеся из-под земли, нежно голубели; в провалах и арках разрушенных каменных стен синело небо, и даже заросли бузины казались нарядными, пышными. На телеграфных столбах висели новые дощечки, на которых было написано, где выдаются стройматериалы. В прозрачном воздухе звонко стучали молотки, визжали пилы.

Город был живучий: он существовал, он строился, чтобы опять подняться над рекой похорошевшим и помолодевшим.

Степочка быстро шагал впереди и вел Колю каким-то особенным, сокращенным путем — через дворы, через заросли, через пробоины в стенах. Теперь все здесь так ходили — не по улицам, а по тропкам, которые пролегли там, где прежде пройти было нельзя. Коля оглядывался, стараясь запомнить дорогу.

— Для какого дела я тебе нужен? — спросил он. — Ты давеча при маме не хотел сказать...

Степочка остановился, обернулся и снизу вверх посмотрел на Колю долгим, внимательным взглядом, словно оценивая его.

— Это ты еще узнаешь, — сказал он. — Это долгий разговор.

И заговорил о пароходах, которые проходят здесь по реке и пристают к причалам возле города. Он знал их все — и пассажирские и буксиры. Знал, в какой день и в какой час они приходят и уходят, куда они идут, знал фамилии их капитанов, знал, какие из них были здесь и до войны, и какие исчезли, и какие появились только теперь, и в каких затолах они зимовали. Он узнавал их по гудкам, доносившимся с реки.

— Это «Иван Мичурин», — сказал он, когда раздался протяжный рев особенно басовитой сирены. — Помнишь? Самый большой пароход на реке. Постройки тысяча девятьсот пятнадцатого года. Он был захвачен немцами и при немцах назывался «Минерва», как до революции. Теперь он, конечно, опять «Иван Мичурин».

Так, разговаривая о пароходах, дошли они до школы.

— Да ведь она цела! — воскликнул Коля.

— Новое здание почти восстановлено, — сказал Степочка, — а старое разбито вдребезги, и за него даже еще не принимались.

Школа состояла из двух зданий — старого, стоявшего немного отступя от улицы, в котором когда-то помещалась гимназия, и нового, выстроенного за несколько лет перед войной и выходявшего на улицу.

Коля прежде всего увидел новое здание. Все четыре его этажа сияли чистыми, только что вставленными стеклами. На фасаде висела лебедка, в которой стояли женщины-штукатуры и штукатурили стены.

— Если бы ты видел, что тут было месяц назад, когда я приехал! — сказал Степочка. — Крыша пробита в двух местах, в стенах шесть пробоин, внутри все завалено обвалившейся штукатуркой, от парт — одни щепки. За месяц мы кое-что сделали! — прибавил он хвастливо.

Из школы доносился дробный стук топоров, молотков, шуршали рубанки.

— А где же мальчики? — спросил Коля.

— Внутри. Когда я приехал, нас работало всего двадцать два человека, а теперь уже больше шестидесяти, начиная с шестого класса. Сначала мы только помогали взрослым рабочим — каменщикам и штукатурам, — кирпичи подносили. А теперь у нас четыре большие бригады из мальчишек — плотничья, стекольная, столярная и малярная. Мы с тобой, конечно, в малярной. На подсобных работах у нас мамыши.

— Мамаши?

— Ну да. Витмак уговорил некоторых мамаш, и они приходят нам помогать.

Степочка ввел Колю в ворота, они вошли в школьный двор, и Коля увидел разбитые стены старого здания. Этому большому зданию разрушения придали удивительный вид. Снизу оно было разрушено гораздо сильнее, чем сверху. Сквозь его нижнюю часть можно было пройти в любом направлении, как сквозь двор, а два верхних этажа висели в воздухе, кое-как подпертые снизу остатками стен. Оно словно летело над землей. Коля даже невольно отшатнулся — казалось, достаточно небольшого ветра, чтобы все это рухнуло. Там, в верхних этажах, многие комнаты, возможно, были целы, но недосыгаемы, потому что в здании не сохранилось ни одной лестницы.

Когда-то оба здания, новое и старое, были соединены галлеей, висевшей над двором на высоте четвертого этажа. Теперь от этой галереи ничего не осталось, кроме одной единственной длинной ржавой железной балки, похожей на железнодорожный рельс, соединявшей там, вверху, крыши обоих зданий. Степочка задрал голову и показал Коле эту балку.

— Обрати внимание, — сказал он.

— А что? — спросил Коля.

— А вот увидишь.

На мощеном школьном дворе под открытым небом работала столярная бригада. Несколько сот искалеченных парт, больших и маленьких, громоздясь друг на друга, стояли в углу двора. Мальчики-столяры работали на шести длинных верстаках, приделывая партам спинки и крышки. Горели костры из обрезков и стружек, и над их пламенем, бледном при солнечном свете, висели жестянки, в которых варился столярный клей, наполняя воздух крепким запахом. Свернутые стружки с бумажным шелестом шуршали под ногами, опилки желтели, как песок. За верстаками стояли уже готовые парты, вышедшие из ремонта, белея новыми крышками. Их оставалось только покрасить.

Степочка открыл дверь, и Коля вошел в школу. Лестница несколько не изменилась, даже запах был здесь тот же.

— Куда ты меня ведешь? — спросил Коля.

— В кабинет завуча, к Виталию Макарычу.

Коля остановился.

— Я не пойду, — сказал он.

Степочка тоже остановился и поглядел на Колю с удивлением.

— Почему?

Коля молчал. Он не мог объяснить Степочке, что ему тяжело войти в кабинет своего отца, где сейчас сидит и распоряжается чужой, незнакомый человек.

— Да почему же?

— Не хочу.

— Чушь! — сказал Степочка. — Без Виталия Макарыча тебе красить не дадут. Идем!

И они пошли.

2

Коридор был тот же самый, и дверь та же самая. И та же самая табличка на двери: «Заведующий учебной частью».

Степочка дернул за дверную ручку. И Коля вошел в папин кабинет, совершенно такой же, каким он был четыре года назад.

Тот же письменный стол, в тех же местах забрызганный чернилами. Тот же телефон на столе, то же кожаное кресло перед столом. Сколько раз Коля видел папу в этом кресле! Тот же портрет Дарвина на стене, та же физическая карта СССР с черными гроздьями рек. И только одна вещь, которой здесь не было раньше: кровать, аккуратно заправленная, с пододушкой, обшитым кружевами, с двумя очень белыми, очень чистыми подушками.

У окна, спиной к двери, стоял крупный человек с густыми курчавыми черными волосами, слегка посеребренными сединой, и смотрел в окно. Услышав стук двери, он отвернулся от окна и улыбнулся мальчишкам так, словно ждал их. У него были белые, совсем молодые зубы.

— Вот, я привел его, Виталий Макарыч, — сказал Степочка.

— Здравствуй, Коля, — сказал Виталий Макарыч, внимательно разглядывая его. — Наконец-то...

Виталий Макарыч хотел еще что-то сказать, но тут зазвонил телефон, и, взяв левой рукой трубку, он опустился в кресло.

«Уж привык в папином кресле сидеть», подумал Коля.

Виталий Макарыч говорил в телефон о каких-то бревнах, которые ему не прислали. Склонив голову набок, он зажал телефонную трубку между плечом и ухом и освободил левую руку. Тут только Коля заметил, что правой руки у него нет — правый рукав пиджака был пуст и висел безжизненно. Продолжая говорить в телефон и придерживая трубку головой, он левой рукой вертел костяной разрезательный нож, перекидывая его в воздухе, хватая двумя пальцами то за один конец, то за другой. Делал он это очень ловко — нож не упал ни разу. Нож тоже был папин. И папин был письменный прибор на столе — чернильница на мраморной доске с двумя чугунными медведями. Коля помнил, как любил он разглядывать этих медведей, когда маленьким первоклассником заходил сюда к папе.

Пока Виталий Макарыч говорил по телефону, Коля разглядывал его смуглое цыганское лицо. В черных густых бровях Виталия Макарыча было много седых волосков, но черные глаза с синеватыми белками казались совсем молодыми. Однако к этим молодым глазам сбегались морщинки. Трудно было сказать, сколько ему лет: может быть, тридцать, а может быть, сорок пять.

Виталий Макарыч разглядывал Колю так ласково, внимательно и грустно, что Коля невольно отвел глаза. «И чего я ему дался? — думал Коля. — Ведь он меня совсем не знает. Ведь я для него просто незнакомый мальчик, поступающий в шестой класс».

Виталий Макарыч повесил трубку, взял карандаш и что-то записал на листке календаря. Он писал левой рукой так же быстро, как другие пишут правой.

— Ну, до чего похож! — сказал он, не спуская своих черных глаз с Коли. — Я узнал бы тебя где угодно с одного взгляда — так ты похож на отца.

Коля молчал. Ему, не говорившему об отце дома с матерью, и подавно не хотелось говорить о нем с этим человеком. Однако где Виталий Макарыч мог видеть папу? На фотографии, что ли?

И, словно угадав его мысли, Виталий Макарыч сказал тихим, дрогнувшим голосом:

— Мы с твоим отцом здесь при немцах каждый день виделись.

Коля перестал дышать. Вот, наконец, человек, который видел здесь папу при немцах! Да только правда ли это?

Виталий Макарыч перехватил его угрюмый, недоверчивый взгляд и нахмурился.

— Ну, выдай ему кисть, — сказал он Степочке довольно резко. — Пусть помялярничает.

— Пойдем красить крышу, — шопотом сказал Степочка Коле.

Они вышли из кабинета, и Степочка повел Колю вверх по лестнице.

— Каков наш Витмак, а? — спросил он.

— Ведьмак, — сказал Коля.

— Ведьмак? — повторил Степочка и рассмеялся.

Но сразу сдержался — ему не хотелось смеяться над Виталием Макарычем.

— Почему Ведьмак? — спросил он.

Коля не знал, что сказать.

— Он лохматый.

— Мало ли что, — сказал Степочка. — Он молодец. Мне жаль уезжать отсюда только из-за него одного.

— А ты разве собираешься уезжать? — удивился Коля.

— Мы об этом еще поговорим, — сказал Степочка. — Это долгий разговор.

3

В брезентовой прозодежде, сшитой на взрослого, с длинной кистью в руках, Коля красил крышу. Железные листы гремели у него под ногами. Он макал кисть в ведро с парижской зеленью, накладывал жирную краску на промасленное железо и медленно пятился вниз по склону. За его спиной склон обрывался и начиналась пропасть. Но Коля старался не оглядываться. Когда он оглядывался, ему становилось страшно.

В двух метрах от него, так же пятясь и так же размахивая кистью, работал Степочка. Маленький, он совсем тонул в своей

прозодежде с засученными брюками и рукавами. В сторону пропасти он даже не косился. Он двигался так уверенно, легко и беспечно, словно ее не существовало.

Они красили весь тот склон крыши, который обращен был к реке. Солнце жгло им спины сквозь брезент. Краску нужно было класть ровно, всюду одной густоты, и это поглощало все их внимание. Прошло больше часа, прежде чем они настолько привыкли к работе, что начали разговаривать.

— Хороший, но странный, — сказал Степочка.

Коля сразу понял, что он говорит про Виталия Макарыча.

— Чем же странный?

— Не странный, а так... Со стариком Архиповым, например, дружит. Ты знаешь старика Архипова?

— Знаю, — сказал Коля, — он нам вчера донес вещи с вокзала.

— Архипов приходит в школу, Виталий Макарыч запирается с ним в кабинете, и они долго разговаривают.

— О чем?

— Ну, это никому неизвестно. Они при немцах по партизанскому делу подружились.

— Архипов был партизаном?

— Не знаю. Был, кажется, связан с партизанами.

— А Виталий Макарыч?

— Витмак партизанил.

— Где?

— Здесь, в городе. Он нездешний, он был учителем где-то в Молдавии. Немцы посадили его в лагерь, но он сбежал, пришел сюда и вступил здесь в партизанский отряд.

— Здешний отряд немцы весь перебили, — сказал Коля. — Восемнадцать человек.

— Витмак был девятнадцатый. Его ранили в правую руку, но он уцелел.

— Один из всех?

— Один. Он перешел через фронт к нашим, там его положили в госпиталь. Пришлось отнять ему руку. Когда он выпи-сался из госпиталя, город был уже свободен, и его прислали сюда налаживать школу.

Работая кистями, они пятились вниз по скату, и пропасть за их спинами все приближалась. Коля чувствовал ее каждым кусочком своей спины и не знал, далеко ли до нее или близко, потому что боялся обернуться. Ему казалось: стоит обернуться, и от страха он рухнет вниз. Он старался только двигаться наравне со Степочкой — не отставать от него и, главное, не обогнать его ни на волос. А Степочка чувствовал себя непринужденно и свободно, как на земле. Он, казалось, даже забыл, что у крыши есть конец. Коля с замиранием сердца следил за ним. Неужели он не оглянется, неужели он сделает еще один шаг назад? Но Степочка не оглядывался. Степочка делал еще один шаг назад, и Коле приходилось делать точь-в-точь такой же шаг.

Наконец, в тот самый миг, когда Коля почувствовал, что никакая сила не заставит его шагнуть дальше, Степочка, надев ведро с краской на свою длинную кисть, легко зашагал вверх, обходя покрашенную часть крыши. Коля, обрадованный, обогнал его, стараясь как можно скорее добраться до трубы. Там, у кирпичной трубы, за которую можно держаться, он чувствовал себя в безопасности.

— Я, конечно, догадываюсь, о чем он разговаривает с Архиповым, — сказал Степочка, неторопливо приближаясь к трубе по гремящей крыше. — Он кого-то ищет.

— Ищет? — удивился Коля. — Кого?

— Девочку.

— Какую?

— Вот то-то и есть — какую!

— А зачем ему девочка?

— Вот то-то и есть — зачем! Архипов ему помогает искать.

— Помогает?

— Она должна приехать. Я сам слышал, как Виталий Макарыч посылал Архипова на вокзал и велел не пропустить девочку.

— Что же это за девочка?

— Не знаю. Я, конечно, узнал бы, если бы здесь остался. Уж я бы узнал!

— А ты разве здесь не останешься? — спросил Коля.

Степочка ничего не ответил. Он сел рядом с трубой на крышу. Коля тоже сел, держась за трубу. Накаленная солнцем крыша обжигала его сквозь брезент брюк. Внизу перед ними — за площадью, за развалинами домов, за зелеными купами бузины — блестела на солнце река, гладкая и твердая, как никель. У пристани стоял пароход «Иван Мичурин», длинный и узкий, сияя нарядной своей белизной. Слева над рекой висело в воздухе порванное кружево разбитого моста. Справа река делала крутой поворот, расширялась, уходила вдаль до самого горизонта и там, в синеватой, пронизанной солнцем дрожащей дымке, сливалась с низкими полями.

— Как море, — сказал Степочка, смотря направо.

— А ты видел море? — спросил Коля.

— Нет, — сказал Степочка. — И ты тоже не видел.

Действительно, они оба никогда не видели моря.

— Скоро увидим, — сказал Степочка.

— Скоро увидим?

На лице у Степочки появилось важное и торжественное выражение, и Коля понял, что сейчас начнется тот «долгий разговор», который Степочка обещал ему с самого утра.

4

— Что ни говори, а построить школу интересно! — сказал Степочка.

Коля кивнул головой, ожидая, что Степочка скажет дальше.

— Мне, конечно, не хочется огорчать Витмака, — проговорил Степочка. — Мы с ним вместе работали, я знаю, как он относится к постройке школы, и я дорожу его мнением. Он здесь на постройке, как капитан на корабле, и когда я уеду, он решит, что я дезертир. Но тут ничего не поделаешь. У всякого человека должна быть цель в жизни, и этой цели приходится подчинять все. У нас с тобой цель одна — стать моряками.

Коля посмотрел на Степочку удивленно. Три года назад, когда они, десятилетними мальчиками, пускали кораблики

в пруду, они говорили о том, что непременно станут моряками. Это тогда им обоим казалось несомненным и ясным. Но с тех пор прошло столько времени, совершилось столько событий, и у Коли сменилось столько мечтаний, желаний! Коля, конечно, и теперь порой думал, что когда вырастет, будет моряком, но это казалось ему отдаленным, не имеющим отношения к его сегодняшней жизни. И он почувствовал уважение к постоянству и твердости Степочки.

— Я ждал только тебя, — сказал Степочка. — Мы с тобой едем на Черное море.

— На Черное море?

— Мы поступим юнгами на тот крейсер, где служил мой папа.

— А нас примут? — спросил Коля.

— Ты об этом не беспокойся, — сказал Степочка презрительно. — Это уж не твоя забота. Крейсером командует капитан второго ранга Василий Васильевич Перцов. Когда папу убили, он прислал моей тете письмо, в котором пишет, что сделает для меня что угодно.

— А тетя тебя отпускает?

Степочка свистнул.

— Я не сказал ей ни слова, — ответил он. — Знаешь женщин! Они ведь ничего не понимают. С теткой говорить бессмысленно. Ты первый человек, которому я говорю.

Коля подумал и спросил:

— Где же ты возьмешь денег на билеты?

— На какие билеты?

— На железнодорожные. Чтобы доехать до Черного моря. Степочка рассмеялся.

— Зачем нам железная дорога? У нас есть дорога получше.

— Где?

— Вот.

Он взмахнул рукой и показал на реку, блестящую внизу.

Коля сам удивился, как это он не догадался сразу. Ведь он отлично знал, что их река впадает в реку, которая впадает в Черное море.

— По реке на пароходе? — спросил он.

— Нет, — сказал Степочка. — На шлюпке.

— Вот здорово! — воскликнул Коля, пораженный. — Сколько же нужно времени, чтобы на шлюпке добраться до Черного моря?

— Немного. Если мы будем грести — три недели. Если мы просто поплывем по течению — полтора месяца.

— Через полтора месяца будет осень, — сказал Коля.

— Чудак! — проговорил Степочка. — Это здесь будет осень. А там, на юге, в сентябре жарче, чем здесь в июле.

— Хорошо, — сказал Коля, — но где же ты достанешь шлюпку?

— Шлюпка уже есть. Ну, не шлюпка, а двухвесельный бот. Ну, не бот, а обыкновенный рыбацкий челночок, но просмоленный, устойчивый, слушается руля, как бог.

— Где же он?

— Спрятан, — сказал Степочка уклончиво и многозначительно.

Коля задумался. Он представил себе, как плывут они со Степочкой в челночке по сияющей реке вдоль незнакомых берегов все дальше и дальше. Привольная жизнь, полная приключений и неожиданностей! Что может быть лучше такой жизни!

— По ночам мы будем выходить на берег где-нибудь в пустынном месте и разжигать костер, — продолжал Степочка. — Дым костра прогонит комаров. С рассветом — снова в плавание. Когда нам станет слишком жарко, мы будем купаться. Купайся сколько угодно, хоть десять раз в день. Если нам покажется, что мы движемся слишком медленно, мы попросим капитана проходящего парохода взять нас на буксир. Он нам не откажет, ему это ничего не стоит. Но это на крайний случай — нам торопиться некуда, мы и без буксира обойдемся, а то путешествие выйдет слишком коротким. Города мы будем проплывать мимо, города нам не нужны, мы будем высаживаться в пустынных местах...

— А что мы будем есть? — спросил Коля.

— Все обдумано, — ответил Степочка. — Я уже три недели сушу сухари.

— И много ты насушил?

— Кило два, — сказал Степочка. Однако по голосу его Коля понял, что он не уверен, есть ли у него два кило сухарей. — Но у меня главный расчет не на сухари, — поспешно добавил он. — Я унес мешок картошки и спрятал его рядом с челноком. У меня есть красноармейский бачок — знаешь, с выгнутым боком, — и мы будем варить в нем картошку... Но не на картошку у меня главный расчет, а на рыбу...

— На рыбу? Ты берешь с собой удочку?

— Две удочки: для себя и для тебя, — сказал Степочка. — Но удочка — это вздор, удочками много не поймаешь. Есть у меня две гранаты Ф-1, ими можно глушить рыбу, но я хочу их поберечь, ведь нам необходимо оружие. Мой главный расчет на невод. Я спрятал невод...

— Невод?

— Невод — прекрасная штука! — сказал Степочка. — Мы находим возле берега какую-нибудь заводь, раздеваемся, лезем в воду, протаскиваем невод один раз, и мы сыты вот так! — Он провел ребром ладони по горлу, чтобы показать, как они будут сыты. — Из крупной рыбы варим уху, а мелочь выбрасываем... Да что об еде беспокоиться! Там, в низовьях, всюду арбузы, дыни — вот такие...

— Когда же ты думаешь тронуться в путь? — спросил Коля.

— В пятницу, — ответил Степочка. — Конечно, вечером, когда стемнеет. Первую ночь нам придется провести в челноке, чтобы до света успеть уйти как можно дальше...

До сих пор, пока разговор о путешествии шел вообще, Степочкин план казался Коле замечательным и не имеющим никаких недостатков. Но теперь, когда Степочка сказал, что нужно ехать уже в пятницу, ему вдруг стало тоскливо. А как же мама? Останется совсем одна?

Мысль о том, что придется покинуть маму, поразила Колю. Однако он промолчал.

— Хочешь, я покажу тебе отсюда, где спрятан челнок? — спросил Степочка.

— Покажи, — сказал Коля.

— Надо спуститься на край крыши. Идем.

Степочка встал и, гремя железом, пошел по крыше вниз. Коля тоже встал и пошел за ним. Чем ниже спускались они по скату, тем шире открывалась слева от них излучина реки перед мостом, скрытая углом крыши. Степочка, видимо, хотел показать Коле какое-то место на берегу этой излучины. Но они шли, пропасть все приближалась, а берег излучины не открывался. Коля стал ступать осторожнее, замедлил шаги. Но Степочка с подчеркнутой небрежной беспечностью шел все вниз, стараясь греметь железом как можно громче, и Коле приходилось идти за ним.

Теперь Коля приближался к пропасти не спиной, а лицом, и видел ее. Стоит только оступиться, поскользнуться, и... Крыша гладкая — если покатишься, уцепиться не за что. Коля с необыкновенной ясностью представил себе, как он оступился, покатился. И вдруг почувствовал, что у него кружится голова.

— Постой! — сказал он Степочке.

Это слово вырвалось у него нечаянно, он не собирался его говорить.

Степочка остановился и повернул к нему свое улыбающееся круглое, курносое лицо.

— Отсюда не видно, — сказал он. — Нужно подойти к самому краю.

Коля сделал еще полшага и остановился. Все плыло перед ним: и река, и арки моста, и разбитые стены домов, и небо, и край крыши. Степочка поглядел на него с сожалением.

— Ты ложись и ползи, — сказал Степочка. — Так тебе легче будет.

Коле давно уже хотелось лечь, и он лег сразу. Но это не принесло ему облегчения. Он ладонями почувствовал, до чего гладка и поката крыша.

Ему казалось, что брезент его брюк еще больше скользит, чем подошвы. Глубоко дыша, он всем телом прижимался к горячему железу.

А Степочка спокойно дошел до самого края. Стоит ему двинуть плечом, шевельнуть головой, и, потеряв равновесие, он сорвется со скользкого ската, полетит в пропасть...

— Степа! — сказал Коля умоляюще.

Но Степочка бестрепетно протянул руку и показал пальцем куда-то вниз и вбок.

— Отсюда видно это место, — сказал он. — Вон тот белый домик без крыши у самой воды. Недалеко от землянки Архипова. Ты знаешь, где землянка Архипова?

Но землянки Архипова Коля не знал.

— Как раз между новым, деревянным мостом и старым, взорванным. Домик разбит, завален хламом, зарос кругом, и никто туда не полезет. Я втащил челнок в домик.

Степочка повернулся. Теперь он стоял спиной к пропасти, над самым краем, и смотрел на лежавшего перед ним Колю.

— Я тоже сначала боялся, — сказал Степочка. — Но взял себя в руки и теперь не боюсь. Моряк не может бояться высоты, моряку всюду приходится лазить. Ты тоже скоро привыкнешь. Смотри!

Он поднял ногу, расставил руки и застыл, слегка покачиваясь, над пропастью, стоя на одной ноге.

— Степа! — взмолился Коля.

— Это что! — сказал Степочка. — Хочешь, я покажу тебе настоящую штуку?

И, к величайшему Колиному облегчению, пошел вверх по скату.

Коля поднялся и пошел вслед за ним — все дальше от края. У трубы ему захотелось остановиться. Но Степочка повел его еще дальше, они перелезли через ребро крыши и пошли вниз по противоположному скату, спускавшемуся в сторону двора.

Школьный двор все шире открывался перед ними. Он был теперь тих и пустынен — наступил час, когда все обедали. Старое здание школы, зияя дырами окон и пробоин, повисло над двором, словно паря в воздухе. Степочка вел Колю как раз к тому месту, где расстояние между старым и новым зданиями было короче всего. Там, от крыши к крыше, висела железная балка — все, что осталось от галереи, когда-то соединявшей оба здания.

— Стой здесь, — сказал он Коле.

И Коля остановился.

Степочка подошел к краю крыши и поставил ногу на балку.

— Ты с ума сошел! — крикнул Коля.

— Тут всего одиннадцать шагов, — сказал Степочка. — У меня все вымеряно.

И, раздвинув руки, как крылья, пошел по балке, твердо ставя одну ногу перед другой.

Коля перестал дышать. Останавливать Степочку было уже поздно. Он следил, как покачивалось коротенькое Степочкино тело над смутной пропастью двора, и считал шаги.

Три, четыре, пять...

Вот Степочка уже на середине балки, на равном расстоянии между двумя зданиями.

Шесть, семь...

Степочка покачнулся влево, но выпрямился, передернув плечами.

Восемь, девять, десять...

Балка входила в черную пробоину разорванной крыши старого здания. Там, вероятно, был чердак. Степочка сделал еще один шаг и нырнул в пробоину. Повернулся — и Коля увидел его улыбающееся лицо.

— Подожди меня! — крикнул Степочка.

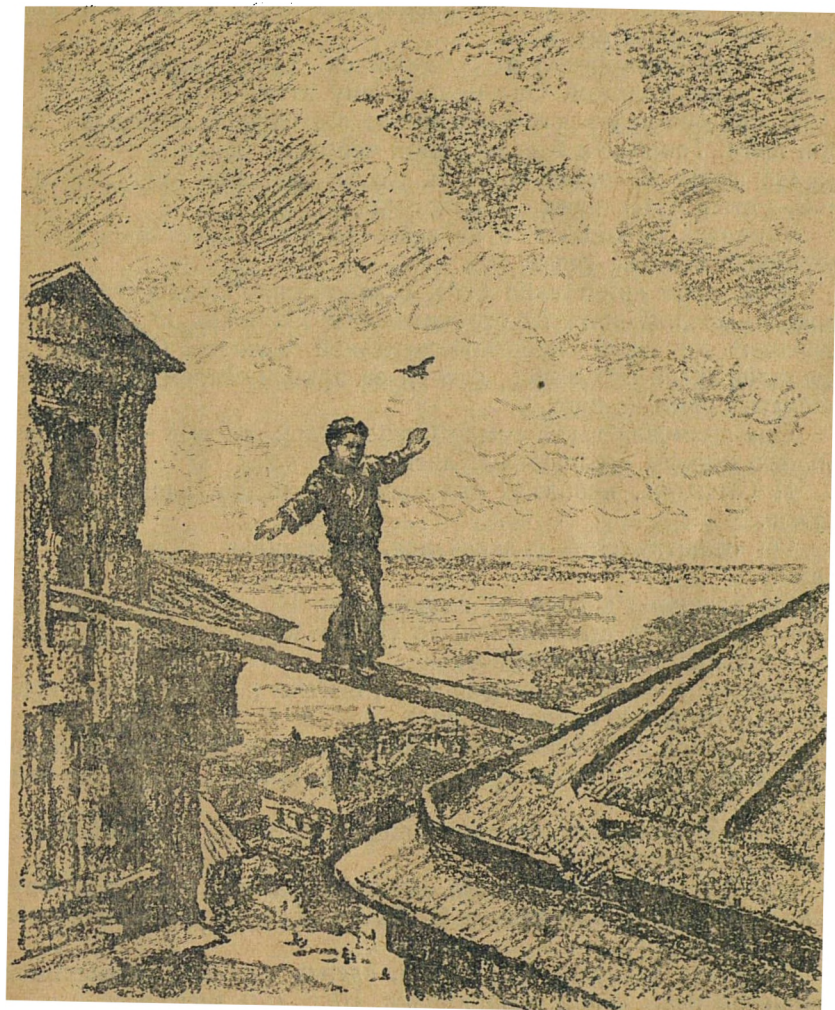
И исчез, уйдя куда-то в глубь разрушенного здания, в темноту.

Коля остался один, охваченный тоской и тревогой. Он ждал. Ему казалось, что ждет он очень долго. Что делает Степочка в пустом доме? У Коли появилась надежда, что, может быть, там есть какой-нибудь другой ход и Степочке не придется возвращаться по балке. Коля шагнул вперед и глянул вниз, во двор: нет ли там Степочки? Теперь он видел большую часть двора. Степочки там не было.

И вдруг Степочка появился опять в прежней пробоине, у противоположного конца балки. Он выступил из тьмы, встал на балку и шагнул. И в ту же минуту из пробоины вылетела птица.

Это была маленькая быстрая птица, темная, с белой грудью. Возможно, где-то тут, в пробоине, находилось ее гнездо. Встревая, она обогнула в воздухе Степочку и опять нырнула в пробоину.

Степочка сделал еще один шаг.

Птица вылетела снова и пронеслась перед Степочкой, едва не задев крылом его лица.

Степочка вздрогнул и остановился. Он повернул голову, следя за ее полетом. Она мешала ему идти.

Когда она исчезла в пробоине за его спиной, он сделал еще три шага. Теперь он был на самой середине балки.

Но птица вылетела опять и, сделав большой круг над двором, устремилась прямо к Степочке.

Степочка побледнел, и на лице его стали отчетливее видны веснушки и пятна грязи.

Коля ясно представил себе, с какой силой ударится сейчас этот маленький мягкий стремительный комочек о Степочку, стоящего на узкой скользкой железной полоске. Степочка не двигался и, не отрываясь, следил за приближением птицы. Она неслась прямо на него.

Она промчалась над самой Степочкиной головой — так близко, что волосы его шевельнулись.

И Степочка, невольно уклоняясь от удара, слегка отшатнулся.

Он отшатнулся — и закачался, размахивая в воздухе руками.

Он качнулся вправо. И выпрямился. Но сразу же качнулся влево. Он снова выпрямился, но тут же качнулся вправо... Ему не удавалось найти равновесие.

Коля, с трудом сдерживая крик, шагнул к самому краю крыши и протянул к Степочке руки.

Он глядел на качающегося Степочку и глядел вниз, на двор, с ужасом измеряя глазами ту глубину, в которую Степочка сейчас обрушится.

И вдруг посреди двора он увидел человека, который стоял и смотрел вверх.

Это был Виталий Макарыч. Задрвав курчавую черную голову, неподвижный, он смотрел на Степочку. Коля хорошо видел его лицо. Он видел ужас в его глазах.

Степочка качнулся еще раз и, сделав какое-то немыслимое движение всем телом, выпрямился. Шаг, еще шаг, еще — и он очутился на крыше рядом с Колей.

Коля схватил его за руку и, не отпуская, потащил вверх по скату, как можно дальше от балки.

У трубы они сели рядом и долго молча дышали. Коля все не отпускал Степочкину руку, словно боясь, как бы он снова не полез на балку.

Вдруг Степочка повернул к Коле лицо и улыбнулся.

— А все-таки не упал! — сказал он.

Тут за спиной у них загремело, загрохотало, и, обернувшись, они увидели Виталия Макарыча. Виталий Макарыч бежал по крыше.

Он взял своей единственной рукой Степочку за шиворот, поднял его и поставил перед собой.

— Да как ты посмел! — закричал он, тряся его словно мешок.

Он поднял Степочку своей единственной рукой и прижал его к груди, как маленького. И, как маленького, понес его по лестнице вниз. Коля едва поспевал за ним.

Виталий Макарыч вынес Степочку на двор и только там поставил его на ноги.

— Больше вы никогда не будете на крыше, — сказал он.

По дороге домой Коля признался Степочке, что не поедет с ним на Черное море.

Степочка не поверил. До сих пор Коля всегда его слушался, и он привык к этому.

— Вздор! — сказал Степочка. — Поедешь.

— Не поеду.

— Почему?

— Так.

Он не мог объяснить Степочке, что нельзя оставить маму совсем одну.

— Трусись? — сказал Степочка. — Ладно, ты мне не нужен. Поеду без тебя.

Коля мрачно смотрел в землю. Он осрамился перед Степочкой там, на крыше, он осрамился сейчас, отказавшись ехать. Но иначе он не мог.

П О И С К И

1

Виталий Макарыч что-то знал о жизни Колиного папы при немцах. Коля подолгу думал об этом. Он понимал, что нужно расспросить Виталия Макарыча. Но сделать это Коле было трудно.

Со взрослыми мало знакомыми людьми Коля был очень застенчив. Конечно, если бы дело шло о каких-нибудь пустяках, он легко преодолел бы свою застенчивость и заговорил бы с Виталием Макарычем. Но о своем папе он никогда не говорил даже со Степочкой, даже с мамой. Как же заговорить о нем с Виталием Макарычем? Виталия Макарыча он видел довольно часто, но всегда на людях. А уж на людях Коля никак не мог говорить о папе.

Он почему-то все надеялся, что Виталий Макарыч сам с ним заговорит. И ждал.

Колю перевели из бригады маляров в столярную бригаду, потому что на расспросы Виталия Макарыча он ответил, что когда-то сам смастерил тележку на четырех колесах. Степочка остался маляром, но красить крышу ему не разрешили. Крышу теперь красили взрослые рабочие, а школьники-маляры работали на дворе и красили отремонтированные столярами парты. Коля тоже работал во дворе и видел Степочку все время.

Бригадиром столяров был Вова Кравчук, уже совсем большой мальчик, поступивший в девятый класс. У него были рыжие прямые волосы, торчавшие слипшимися вихрами, и крупные рыжие веснушки на лице. Ресницы и брови у него тоже были рыжие, и даже цвет глаз был красный, как у кролика. Из коротких рукавов его куртки торчали большие красные руки, и вообще весь он был до того красен, что когда касался свежеструганных досок, казалось, будто на них должны остаться красные пятна. Он лучше всех мальчиков знал столярное ремесло и сам уже редко пилил, стругал и клеил, а только показы-

вал, как это нужно делать. Его огромные старые ботинки, завязанные веревками вместо шнурков, были полны опилок. С ватерпасом, складным метром и карандашом в руках он красными глазами молчаливо следил за работой. Иногда он протягивал руку, с необычайной точностью проводил по дереву черту карандашом и говорил: «Пили здесь». Или замечал: «Криво». Или: «Не строгай против шерсти». И отходил. И после каждого его замечания неладившаяся работа шла на лад.

В Колины столярные способности он не поверил и дал ему поначалу странное поручение: выпрямлять гвозди. Гвоздей на строительство отпущено было недостаточно, и столяры заготавливали их сами, выдергивая клещами из разрушенных стен старого здания. Все эти гвозди оказывались кривыми, и их нужно было выпрямлять. Коля клал их на железную доску, придерживал двумя пальцами и бил молотком. Это занятие оказалось однообразным и нудным. Вова Кравчук требовал совершенно прямых гвоздей, чтобы их можно было вгонять в дерево по шляпку двумя ударами обуха, и Коля тратил на каждый гвоздь очень много времени. За два часа он выпрямил не больше полусотни и очень устал и кончил тем, что разбил себе палец в кровь неверным ударом молотка.

Увидев разбитый палец, Вова Кравчук сжалился и перевел Колю на совсем легкую работу — следить за костром, на котором варился столярный клей. Сначала Коле это понравилось — бросать в горячий котелок прозрачные янтарные плитки клея, помешивать их палочкой, подкладывая в костер легкие стружки, мгновенно пожираемые пламенем. Но скоро ему стало скучно. Мешать клей и подкидывать стружки приходилось не так часто, и в промежутках нужно было сидеть сложа руки. От нечего делать он стал подбрасывать стружек так много, что пламя поднялось выше человеческого роста. Жар вынудил Колю отойти от костра на несколько шагов. Многие столяры прекратили работу и с любопытством уставились на ревуший, прыгающий огонь.

Вова Кравчук подошел к костру. Коля был уверен, что получит от него нагоняй. Но Кравчук не сказал ни слова. Он молча принялся оттаскивать парты подальше от огня, чтобы они не

загорелись и не покоробились. Коля, спохватившись, стал помогать ему. Оттащив парты, Кравчук подобрался к самому огню и начал затапывать своими большими ботинками стружки, загоравшиеся вокруг. Рыжие волосы Кравчука были так похожи на пламя, что казалось, голова его пылала.

Он постоял у костра, пока огонь не поник, и лишь тогда повернулся к Коле. «Ну, сейчас начнется разнос», подумал Коля, прямо смотря в глаза Кравчуку. Однако Кравчук не только не разнес его, но даже замечания не сделал.

— Пойдем, я дам тебе рубанок, — сказал он Коле.

Это была третья попытка за один день использовать Колю в бригаде столяров. Коля в глубине души подивился терпению Кравчука. Неуверенно принял он из его рук рубанок, боясь, что снова осрамится.

Но на этот раз дело пошло. Коля работал на заготовке — строгал шершавые доски разной толщины, чтобы сделать их гладкими и одинаковыми. Пахучие тонкие стружки, курчавясь, ползли из рубанка. Работа эта оказалась умной работой — она требовала расчета, постоянного внимания и, главное, особого умения чувствовать дерево, понимать, где оно тверже, где мягче, как расположены в нем сучки, слои.

— Не нажимай! Легче, легче, — говорил, подходя к Коле, Вова Кравчук.

Через полчаса Колины руки ходили уже сами собой, без всякого, казалось, усилия. Высунув кончик языка, Коля махал и махал рубанком, освобождая послушную гибкую доску от всего, что было на ней лишнего. Теперь он чувствовал, что тоже строит школу.

Это было удивительно приятное чувство — знать, что в этом городе, где все, и большие и маленькие, трудятся, строят, ты тоже не праздный свидетель, мечтающий воспользоваться плодами чужих трудов, а труженик, строитель, имеющий наравне со всеми право смотреть глазами хозяина на строящуюся школу, на весь этот заново рождающийся город. Участие в большом общем сознательном труде наполняло его радостью и гордостью. Через час он уже не с робостью, а с некоторой важностью прохаживался возле своего верстака и хмурился, чтобы скрыть

свою радость, когда Вова Кравчук, проведя ладонью по обшуганной им доске, кивал головой в знак того, что доска достаточно гладка.

Чтобы увидеть Степочку, Коле стоило только поднять голову от верстака. Степочка оттаскивал готовые парты в угол двора и там красил их. Он осторожно водил по партам маленькой кистью, потом отходил в сторону и с важностью оглядывал свою работу — всюду ли краска легла ровно. Когда он, идя за новой партией, приближался к верстакам столяров, Коля старался встретиться с ним глазами. Но Степочка глядел на Колю так, словно не замечал его, словно Коля был столб или камень. Подходя к столярам, он разговаривал и шутил со всеми, но только не с Колей. Коля отказался ехать на Черное море, и Степочка не простил Колю и не скрывал этого. «Ну, и пускай», думал Коля. Но в глубине души был огорчен.

Он давно любил Степочку и, не признаваясь в том самому себе, восхищался им. Ему никогда со Степочкой не было скучно, потому что Степочка постоянно изобретал что-нибудь удивительное, постоянно поражал его своей отвагой и решительностью. Степочка хотел, чтобы Коля подчинялся ему, и Коля от всей души готов был подчиняться, потому что охотно признавал Степочкино превосходство, да и сам вовсе не любил командовать.

Один только раз Коля не послушался его — отказался с ним ехать на Черное море, и Степочка сурово наказал его: перестал с ним разговаривать. Как будто Коля сам не мечтал о Черном море, как будто он не поехал бы за ним хоть на край света, если бы не мама! Нельзя же оставить маму совсем-совсем одну! Отчего же такая несправедливость?

А между тем Степочка как раз сейчас так нужен был Коле! Несмотря на участие в общей работе, Коля все еще чувствовал себя одиноко среди всех этих незнакомых мальчиков, большинство из которых к тому же было старше его. А Степочка работал здесь уже больше месяца, он всех знал, и его все знали и ценили, он был свой человек на стройке и мог бы Колю свести со всеми своими друзьями. Кроме того, Степочка хорошо знал Виталия Макарыча, и Виталий Макарыч хорошо знал Степочку,

и Степочка мог бы помочь Коле начать разговор с Виталием Макарычем...

Кроме Степочки, в школе был только один человек, давно ему известный — Агата. Но Агата сидела в сарайчике, наскоро сколоченном в углу двора из досок, и он видел ее редко.

Там, в этом сарайчике, находилась не то контора строительства, не то склад. И этой конторой, этим складом управляла Агата. Уходя, ей сдавали на хранение инструменты. По требованию бригадиров она выдавала гвозди, клей, мел, замазку, олифу, листовое железо, задвижки, шпингалеты, оконные стекла. Она вела учет всех материалов, записывала в свои книги все израсходованные кирпичи и доски. Не то кладовщик, не то бухгалтер, она весь день сидела в полутемном сарае за столом перед маленьким квадратным окошком без стекла.

Иногда двери сарая открывались, и Агата появлялась на пороге. Худенькая, с милой ямочкой на подбородке, она серыми, широко расставленными глазами смотрела на мальчиков или на Виталия Макарыча, спускающегося со школьного крыльца.

Виталий Макарыч неторопливо обходил всех работающих мальчиков — и столяров и маляров. Возле некоторых он останавливался, внимательно следил, как пилят какую-нибудь доску, но никому не делал никаких замечаний. Только иногда вдруг говорил:

— А ну, дай-ка мне.

Брал в свою левую руку, единственную, пилу, молоток, кисть или рубанок и принимался работать с необыкновенным проворством. И рубанок плыл легко, без натуги, пила пела веселей, гвозди входили в дерево не сгибаясь, и краска, до сих пор ложившаяся пятнами, начинала ложиться ровным слоем, всюду одной густоты. Опилки и стружки застревали в его черных волосах. Он поднимал покрасневшее лицо, отдавал рубанок столяру или кисть маляру и шел дальше. И Колю удивляло, что он одной рукой умеет все делать лучше, чем другие двумя руками, и нравилось Коле, что он не кричит, не командует, не советует, а только показывает.

Вообще Виталий Макарыч начинал нравиться Коле, и Коля вынужден был в этом признаться. «В конце концов, он-то ведь

не виноват, что сидит на папином месте, — думал Коля. — Должен же быть в школе заведующий учебной частью».

Следя краем глаза за тем, как Виталий Макарыч двигался по двору, переходя от одного школьника к другому, Коля ждал, когда он подойдет к нему. Он надеялся, что Виталий Макарыч сам заговорит с ним о папе. И Виталий Макарыч подходил к нему и останавливался у него за спиной. Чувствуя Виталия Макарыча у себя за плечами, Коля работал, не поворачивая головы, не глядя на него, и ждал. Но ничего не дождался. Виталий Макарыч не только не заговорил с ним о папе, но даже ни разу не сказал ему: «А ну, дай-ка мне», и не взял у него из рук рубанка.

2

К пристани подошел пассажирский пароход, и, возвращаясь из школы, Коля встретил растянувшуюся на целый километр толпу пассажиров. В самом конце этой толпы он вдруг увидел Архипова — того старичка, который помог ему и маме дотащить вещи с вокзала. Вид у него был злой, недовольный, острая борода торчала как-то вбок.

— Здравствуйте, — сказал Коля.

— Здравствуйте, — ответил Архипов, не повернув головы.

— Вы меня, кажется, не узнали? — сказал Коля.

— Вот еще, «не узнал»! — сказал Архипов останавливаясь. — Я вас даже там, на вокзале, с первого взгляда узнал. Я о вас целую зиму каждый день слышал.

— От кого?

— От Николая Николаича.

— От папы? — спросил Коля задохнувшись.

Архипов кивнул.

— Последнюю-то зиму он ведь у меня прожил.

— У вас?

— Зайдите ко мне. Покажу, где он жил. Хотите?

— Хочу.

И Коля пошел за Архиповым. Они шли по длинной, залитой вечерним солнцем улице, и справа от них, в промежутках между

разбитыми стенами, кустами бузины, ивами, сверкала река. Архипов молчал. «И чего это он сегодня не в духе? — думал Коля. — Оттого, наверно, что возвращается с пустыми руками».

— Вы были на пристани? — спросил он робко.

Архипов кивнул.

— И никто не дал вам понести вещи?

— Вот еще! — сказал Архипов презрительно. — Это мне все равно.

Он опять замолчал. «Зачем же он ходит на вокзал и на пристань?» подумал Коля. И спросил наугад:

— Вы встречать кого-нибудь ходите?

Архипов вздрогнул, остановился и посмотрел на него с удивлением.

— А вы откуда знаете?

— Я не знаю, — смутился Коля. — Я так, подумал... И не встретили?

— Опять не встретил! — сказал Архипов с досадой.

Они свернули вправо и вышли к реке. Река, озаренная заходящим солнцем, казалась огненной, пылающей. Взорванный мост был отсюда совсем недалеко, его громадный металлический скелет повис в воздухе; за ним сиял закат, и все это чудовищное переплетение разорванных, спутанных, взметанных в небо балок казалось черным. Временный мост, деревянный, был еще ближе. По нему медленно полз бесконечный товарный состав.

Архипов подвел Колю к обрыву и стал спускаться по тропинке.

Береговой обрыв был здесь высок и крут, почти отвесен. Редкая, выжженная солнцем трава покрывала склон. Кое-где бурый камень выступал наружу. Меж камней рос чахлый кустарник с серыми от пыли листьями, обглоданный козами.

Внизу у воды Коля увидел маленький белый домик с сорванной крышей и пустыми дырками окон. Он со всех сторон так густо оброс бузиной, что, казалось, подойти к нему было невозможно. И Коля вдруг вспомнил, что это тот самый разрушенный домик, который ему показывал Степочка с крыши школы. Там, в этом домике, хранится челнок...

Внезапно Архипов свернул с тропинки вправо. Коля шел за ним, осторожно ступая, чтобы не сорваться вниз. И вдруг среди кустов ольхи увидел вход в пещеру, завешенный старым, равным одеялом.

— Вы здесь живете? — спросил Коля.

— Да.

— Сами вырыли?

— Вот еще, стану я рыть! — сказал Архипов. — Я еще мальчиком знал эту яму. Здесь брали камень, когда собор строили.

Он откинул одеяло, и Коля вошел вслед за ним. Они оказались в тесной, темной и грязной землянке, самой убогой из всех, которые Коле пришлось повидать в городе. Окна не было. При тусклом свете, проникавшем через дверь, Коля разглядел узенькую коечку, заваленную тряпьем, жестяную печку, изогнутая труба которой выходила в ту же дверь, и большой комод, стоявший у стены. Скорее берлога, чем человеческое жилье. Несчастный старик, одинокий и заброшенный! Он, верно, так грустит о своей погибшей семье, что совсем не думает о себе.

— Присаживайтесь, — сказал Архипов.

Коля сел на койку. Второй койки тут никак не поставишь. «Где же спал папа?»

— Вы здесь давно поселились? — спросил Коля.

— Давно, — сказал Архипов. — Немцы сожгли мой дом, как только заняли город.

— Вы бы теперь построили себе что-нибудь получше.

— Очень надо! Мне все равно, где жить. Хоть в вороньем гнезде.

Он взял с комода фотографическую карточку и протянул ее Коле:

— Вот.

Коля подошел к двери, чтобы лучше рассмотреть. На карточке, выцветшей и потускневшей, увидел он крыльцо с резьбой, а у крыльца — деревянную лавочку; на лавочке сидел сам Архипов, моложавый, важный, в блестящих сапогах, в пиджаке; в рубаше с вышивкой по вороту, а рядом с ним — жена, полная, еще совсем не старая, в платке и широком темном платье, и два

мальчика — один лет семнадцати, другой лет пятнадцати. Коля знал, что оба эти мальчика убиты на фронте.

— А где ваша жена? — спросил он.

— Немцы угнали ее в сорок втором году, — сказал Архипов. — Так и пропала.

Он взял карточку из Колиных рук и положил ее на комод.

— А что вы до войны делали?

— Мы? — переспросил Архипов. — Мы никакой особой специальности не обучены. Мы все делали. Был у нас домик, огород, корова. Этим больше жена заведовала. А я зимой уходил лес пилить, а летом плоты по реке гнал. А последние годы работал здесь, в слободе, в совхозе. При лошадях. Конюхом.

Ему, видимо, редко приходилось разговаривать, и он мало-помалу оживлялся. Он то садился на койку, то вскакивал, хватал свою бороденку в кулак и дергал так, словно собирался ее вырвать.

— А теперь чем хотите заниматься? — спросил Коля.

— А теперь мне все равно, — сказал Архипов.

— Опять в совхоз поступите?

— Нет, я теперь при школе.

— При школе? — удивился Коля.

— Ну да, Виталий Макарыч меня к себе взял. Гардеробщи-ком у вешалки. А пока в школе не учатся, выполняю разные его поручения.

— Какие поручения?

— Всякие... Хожу, наблюдаю...

— А вы давно Виталия Макарыча знаете?

— Давно. Не очень, конечно, давно. Он не здешний. Он позже всех к ним пристал.

— К кому пристал?

— А к партизанам. Он к ним пристал, когда они уже ушли из школы.

— Партизаны были в школе?

— Было время, они прятались в старой школе, где гимназия когда-то помещалась. Вы сами видели — там в верхний этаж никак не заберешься, все лестницы переломаны, а они какой-то ход знали. А потом, когда стали они готовиться к одному важ-

ному делу, они все ушли оттуда и попрятались в разных местах. И ваш папаша поселился у меня...

— Как вам было тут тесно вдвоем! — сказал Коля, опять оглядывая каморку Архипова и стараясь понять, где здесь мог поместиться еще такой рослый человек, как папа.

— Тесно? — засмеялся Архипов. — Да он не тут жил. Он жил еще теснее. Хотите посмотреть?

Архипов вдруг обхватил комод руками и сдвинул его с места, и Коля опять подивился силе этого шупленького старичка. Он с легкостью передвинул комод к двери, и в землянке стало совсем темно. В руке у Архипова вспыхнула зажигалка. Он поджег лучинку и протянул ее Коле. При свете лучинки в земляной стене позади комода Коля увидел отверстие в полметра вышиной. Холодом и сыростью дохнуло Коле в лицо.

— Нагнись, нагнись! — сказал ему Архипов. — Полезай туда!

Коля нагнулся и, одной рукой касаясь липкого пола, в другой держа лучинку, полез в отверстие. Вскоре он почувствовал, что может поднять голову, и осторожно выпрямился. Макушка его уперлась в земляной потолок.

Он осмотрелся. Находился он в крохотной комнатке, такой узкой, что, протянув руки, мог одновременно коснуться и правой стены и левой. Вдоль одной из стен были устроены нары, на которых лежал тюфяк. Возле нар стояла табуретка, а на ней скляночка с фитильком, служившая безусловно лампочкой, и лежала раскрытая книга.

— Неужели папа мог тут жить! — воскликнул Коля, чувствуя, что дрожит. — Как здесь холодно!

— Здесь только летом холодно, — сказал Архипов. — Зимой здесь теплей, чем у меня.

— Да ведь нары ему коротки, потолок низок. Он не мог выпрямиться ни лежа, ни стоя.

— А он и не выпрямлялся.

Лучинка догорала, огонек подползал к Колиным пальцам. Коле захотелось посмотреть, что это за книга, которую читал папа, сидя в этой норе. Он приподнял ее с табуретки. Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Швырнув догоревшую лучинку, Коля, нагнувшись, пролез назад, в комнату Архипова, и сел на койку.

— Что, не понравилось? — спросил Архипов, ставя комод на прежнее место и насмешливо глядя в Колино побледневшее лицо. — А он не жаловался.

— Неужели он никогда не выходил оттуда?

— Нет, выходил. По ночам. Выйдет и сядет ко мне на койку, на то самое место, где вы сидите. А на улицу им было нельзя. Немцы всех их уже в лицо знали. Один Виталий Макарыч приходил сюда в гости. Он тогда только еще объявился у нас в городе, немцы ничего еще за ним не чуяли, и ему можно было ходить.

— А почему они все в лес не ушли? — спросил Коля. — Ведь партизаны всегда в лес уходили.

— Нельзя было от моста далеко отлучаться.

— От моста?

— Мост был для них важнее всего. Наши войска наступали, подходили к городу, но когда войдут они в город, никто не знал. А партизанам поручено было взорвать мост, когда наши начнут штурмовать город, чтобы немцы на ту сторону не могли уйти. И они притаились здесь, в городе, и сидели. Больше всего боялись они, как бы их не захватили раньше времени, потому что если их захватят, кто же взорвет мост?

— Ну, и как же? — спросил Коля.

— Их захватили, — сказал Архипов угрюмо. — Ночью приходит сюда Виталий Макарыч — и к вашему папе, за комод. Они поговорили там, за комодом, потом выходят оба. Николай Николаич поцеловал меня, и они ушли. Где-то они там собрались, в каком-то месте, а немцы выследили их и перебили.

— Всех убили?

— Восемнадцать человек, — сказал Архипов.

— А Виталий Макарыч?

— Он был ранен в голову и в руку, обмер и упал. Немцы приняли его за мертвого. Утром он очнулся и добрался до деревни. Колхозники его спрятали, а когда пришли наши, его положили в госпиталь и там отняли ему руку...

Он замолчал и задумался. Солнце село, в пещере стало

темно, и только седая голова Архипова смутно белела во мраке.

— Но ведь мост все-таки взорвали! — сказал Коля.

— Взорвали, — проговорил Архипов. — И как раз во-время.

— Кто же его взорвал?

— Не знаю, — сказал Архипов. — И никто не знает. Вот это-то и есть самое непонятное.

Его, видимо, самого до крайности волновал вопрос, кто взорвал мост, потому что он вдруг подсел к Коле ближе, стал говорить торопливо и почему-то шопотом:

— Наши разгромили немцев в десяти километрах от города и гнали их прямо сюда, к реке. Все немецкие танки, и пушки, и грузовики со всех концов двинулись к мосту. Уже ночь кончалась, ранний рассвет. Я сорвал одеяло с двери, стою и гляжу. И вдруг такой взрыв, что меня чуть не повалило. Я сам, своими глазами, видел, как два пролета моста взлетели в воздух и этак медленно, боком шлепнулись в воду. Пять месяцев я потом каждый день думал: кто взорвал мост? Смелый человек! Пошел на верную смерть. Этот мост нельзя было взорвать, не взлетев на воздух вместе с ним. Кто он? Спросить было не у кого. Ну, через пять месяцев является Виталий Макарыч, уже без руки, и, конечно, заходит ко мне. Я его спрашиваю: вы что-нибудь про мост знаете? А он говорит: ничего. Как же это, спрашиваю, мост сам собой взлетел на воздух? Если бы мы, говорит, это узнали, так мы, говорит, тогда и все узнали бы...

— А что он еще хочет узнать? — спросил Коля.

— Мало ли что, — сказал Архипов. — Ему видней. Он меня в тот раз спросил: ты чем собираешься заниматься, Архипов? А я ему: мне все равно — сыновья убиты, жена пропала, мне жить незачем. Вот он и предложил: пойди ко мне работать, согласен? Я сказал: мне все равно, я к вам пойду с охотой, потому что из всех, кто здесь с немцами боролся во время оккупации, и кого я знал, и кто мне был мил, вы один остались. И вот, посылает он меня то на вокзал, то на пристань, к каждому поезду и к каждому пароходу, чтобы не пропустить одного человека, который должен приехать в город...

— А зачем ему нужен этот человек? — спросил Коля.

— Видно, нужен, — сказал Архипов уклончиво. — Теперь все кого-нибудь ждут да ищут, время такое.

Уже темнело, и мама, наверно, вернулась с работы домой. Коля попрощался. Архипов просил его заходить, и Коля обещал. Он вышел из пещеры и зашагал по пустынным темнеющим улицам. Ему хотелось побыть одному, подумать.

Тут было о чем подумать.

3

В годы эвакуации Коля редко разлучался с мамой даже на несколько часов. Когда мама работала в колхозе, он всюду бегал за нею, как собачонка, — в поле, в огород, в лес, в коровник, в правление. Она полола гряды, и он полол; она копала картошку, и он копал. В Челябинске зимой они расставались только на то время, которое он проводил в школе. Из школы он шел домой; если же мама была на службе, шел к ней на службу, потому что дома было холодно, а мама не позволяла ему самому топить печку.

Но здесь, в родном городе, с первых же дней получилось так, что Коля и мама были вместе только по ночам. Коля с утра уходил в школу на работу и проводил там весь день. Мама с утра шла на работу к себе в библиотеку и сидела там до тех пор, пока не начинало темнеть и она уже не могла различить букв.

В этой библиотеке, принадлежавшей горсовету, она работала и до войны. Теперь горсовет назначил ее заведующей библиотекой. Впрочем, пока она, по правде сказать, никем и ничем не заведовала. Подчиненных у нее не было — обещали подобрать трех работников, но еще не выбрали: в городе всюду нужны были люди, а их нехватало. Да и неизвестно еще было, есть ли у нее библиотека.

Домик библиотечный уцелел, или, вернее, почти уцелел. Это был одноэтажный каменный дворянский особнячок, построенный лет полтора назад, — темножелтый, с белыми колонками, с позолоченными ржавчиной железными решетками на высоких узких окнах, хорошенький, как шкатулка. Стоял он в саду, кото-

рый необычайно густо разросся за годы войны, и с улицы почти не был виден, заслоненный листвой кленов, лип, берез, бузины.

В начале оккупации немцы устроили в этом домике офицерскую столовку, или, как они называли, «казино». Книжные полки они сожгли в печах, а книги — несколько десятков тысяч томов — свалили в огромный глубокий подвал, служивший, вероятно, когда-то винным погребом. В подвале этом вода стояла по колено.

Через несколько месяцев немцы почему-то перевели «казино» в другое место, и домик с тех пор пустовал. Но немцы не забыли, что в подвале сложены книги, и перед уходом из города сделали попытку их сжечь. Вытащить из подвала у них уже не было времени, и они подожгли их, не вытаскивая. Однако в подвале было слишком много воды и слишком мало воздуха, и пожар скоро прекратился.

И маме прежде всего нужно было выяснить, что уцелело из библиотеки.

К счастью, ей вызвалась помогать Лиза Макарова, ученица восьмого класса, тоже недавно вернувшаяся со своей матерью из эвакуации. Это была тоненькая девочка с двумя светложелтыми косичками, так туго заплетенными, что они стояли торчком. Мама и Лиза по холодной каменной лестнице спускались в подвал и тащили оттуда груды обгорелой мокрой бумаги. Эти груды они сваливали прямо на пол в бывшем читальном зале, где в стене под потолком зияло пробитое снарядом отверстие, сквозь которое видно было небо. Устав бегать вниз и вверх по лестнице, они садились на корточки возле уже принесенных книг и начинали разбирать их.

Тут были книги совсем сгоревшие, были и такие, у которых обгорело только несколько страниц. Были книги, совсем загубленные водой, были и такие, которые только слиплись от сырости. Вода уничтожила те из них, что лежали в подвале внизу; огонь уничтожил те, что лежали наверху. Но из тех, что лежали посередине, многие почти уцелели. Сидя на полу на корточках, мама и Лиза сортировали книги, сваливали безнадежно погибшие в одну кучу, уцелевшие — в другую, те, которые надо просушить, — в третью, те, которые надо под-

клеить, — в четвертую. Это была работа, полная волнений, надежд и отчаяния. Они шумно радовались каждой находке.

— Третий том Тургенева! Почти сухой! — кричала Лиза в восторге.

Она откладывала третий том в сторону, туда, где уже лежали седьмой и девятый, найденные раньше. Появлялась надежда: а вдруг уцелело все собрание сочинений Тургенева? Но через несколько минут мама находила жалкие остатки четвертого тома. Четвертый том сгорел. Полного Тургенева в библиотеке не будет.

Лиза была бы отличной помощницей, если бы не ее страсть к чтению. Она больше всего на свете любила читать и могла читать сколько угодно часов подряд. Ее мама по вечерам силой отнимала у нее книгу, чтобы она легла спать. На уроке в школе учительница бывало, заметив, что Лиза читает, сердилась и кричала на нее, но Лиза ничего не слышала, продолжала читать, и весь класс хохотал. Работать в библиотеке Лиза вызвалась потому, что там было много книг. Но страсть к чтению мешала ей в работе.

Она сразу зачитывалась всякой книгой, которую раскрывала. Пойдет за книгами в подвал и вдруг исчезнет, пропадет. Колина мама отправляется ее искать и находит на лестнице: Лиза стоит, держа в руках тяжелую кипу книг, и верхнюю из них читает. Начнет Лиза сортировать книги на полу и вдруг затихнет, словно заснула. Колина мама оборачивается и видит: Лиза сидит на корточках, выставив кверху косички, как два рога, и читает. И маме приходилось ежеминутно окликать ее, будить, подталкивать. Лиза слушалась, ей было неприятно, что ее приходится торопить, но ничего не могла с собой поделать.

Каждый день во время обеденного перерыва, когда в школе работы прекращались, Коля приходил к маме в библиотеку, и это были самые приятные для него часы. По дороге он заходил в булочную и брал хлеб, потом — в столовую и брал два обеда: суп — в бидон, второе — в кастрюльку.

Его охватывало такое нетерпение поскорее увидеть маму, что чем ближе он подходил к библиотеке, тем скорее шел и, конечно, бежал бы, если бы не боялся расплескать суп.

В библиотечном садике было тенисто даже в самые жаркие дни. Солнечные блики лежали на траве, птицы пели в густых ветвях. Подняв голову, Коля сквозь листья видел заржавленную железную крышу библиотеки и на ней разложенные для просушки раскрытые книги. Это была мамина выдумка: сушить книги на крыше, которая в жаркие дни нагревалась так, что до нее нельзя было дотронуться. Среди этих разложенных по всей крыше книг нередко сидела и Лиза. Ее, конечно, послали туда только на минутку, чтобы разместить на солнцепеке новую кипу промокших томов, но она, раскрыв один из них, вдруг зачитывалась и, несмотря на палящий жар солнца, сидела так неподвижно, что даже голуби бесстрашно клевали ее в ноги.

Прежде чем войти в дверь, Коля подходил к окну читального зала и заглядывал внутрь. Окно это, как и все окна библиотеки, было выбито. В просторной комнате, наполненной сумраком, он видел громадные груды книг и маму, которая среди этих груд казалась совсем маленькой. Мама сидела на полу и раскладывала книги.

— Марфинька, я пришел, — говорил он негромко.

Мама поднимала голову, откидывала ладонью волосы, упавшие на лоб, взглядывала в окно и улыбалась. Он знал, что так она улыбается только ему одному — во весь рот, показав все свои влажные белые зубки. У нее были замечательные ровные зубы, и только на одном, с краю, была щербинка — когда-то, еще до Колиного рождения, мама пыталась вытащить зубами пробку из бутылки, и этот зуб сломался. Коля много раз слышал историю этого зуба и радовался, когда мама улыбалась так, что зуб с щербинкой был виден.

Коля входил, и мама вела его мимо книжных гор в комнату, где сохранился маленький столик — единственный столик в библиотеке. Мама накрывала столик газетой, нарезала хлеб, расставляла тарелки и разливала суп, еще не успевший остыть. А тем временем Коля, высунувшись в окно, звал с крыши Лизу, и на это уходило много времени: она, зачитавшись, долго отвечала только мычаньем и не понимала, чего от нее хотят.

Но в конце концов она спускалась с крыши, развязывала свой мешочек, в котором хранилась принесенная из дому еда,

и они втроем садились вокруг стола на толстые поленья, так: как стульев не было, и обедали вместе. Коля любил этот обеденный час. Ощущение покоя и радости охватывало его. В библиотечном домике было прохладно и тихо. Зеленые ветви лезли в выбитое окно, щебет птиц заглушал все городские звуки. И никто сюда не войдет, никто не помешает. Весь мир отступал на этот час далеко-далеко, и оставались только Коля, мама и застенчивая Лиза Макарова.

Лиза, конечно, готова была читать и за едой, но Колина мама говорила ей:

— Брось книгу!

Они ели, звякая ложками и улыбаясь друг другу. Говорили не очень много и большей частью о чем-нибудь смешном. Коля рассказывал, например, о мальчике, который взобрался на громадную кучу опилок посреди двора и провалился в нее с головой. Когда его выволокли оттуда, опилки сыпались у него отовсюду — из волос, из ушей, из штанов, из рукавов, из башмаков. Вова Кравчук взял его за ноги, перевернул и тряс, тряс, тряс, все кругом посыпая опилками. Лиза, слушая про этого мальчика, давилась картошкой от смеха. А мама рассказывала про птицу, которая влетела через разбитое окно в библиотеку, и про то, какой переполох она устроила. Птица хотела улететь и билась грудью в стекло, а мама с Лизой хотели поймать ее, чтобы выпустить, но она не давалась, и они бегали за ней, обрушивая высокие кипы книг, стоявшие на полу. И когда птица наконец, найдя дыру в стекле, выпорхнула наружу, весь пол был завален перемешавшимися книгами, и всю работу пришлось начать сначала.

Такое ласковое и дружное веселье охватывало их, что Коля готов был бы сидеть в библиотеке до вечера; но обед кончился, и он опять шел через весь город в школу. На лесах строившихся зданий стучали топоры и звонко перекликались голоса, маляры качались в люльках высоко над головой, и Коля, проходя мимо, отмечал все, что изменилось с прошлого дня: там стена стала выше, там в окна вставили стекла, там появился огромный экскаватор и, ревя, как слон, роет котлован под фундамент. На школьном дворе он шел к своему уже привычному месту за

верстаком и под шелест стружек, вдыхая сладковатый теплый запах нагретого солнцем дерева, на много часов погружался в работу: отмерял, пилил и строгал податливые доски. К концу дня, вместе с усталостью и первыми сумерками, опять приходила мысль о маме. Она, верно, уже вернулась домой. Наконец, сдав рубанок, полный счастливой усталостью после хорошо ладившейся работы, довольный, что сейчас увидит маму, он шел к дому, засыпая на ходу. Ива на дворе шумела в полумраке. Мама, улыбаясь, встречала его в комнате. Он пил чай и смотрел на нее слипающимися глазами.

4

Степочка не обращал больше на Колю никакого внимания, и Коля подружился с Лизой Макаровой.

Конечно, он никому не признался бы в этом, потому что не привык дружить с девочками, да еще с такими большими, как Лиза, — ей шел уже пятнадцатый год, и она перешла в восьмой класс. Но разницу в возрасте он замечал мало, так как ростом был выше ее, и она относилась к нему, как равная, без всякого покровительства, и много смеялась, вертя головкой с косичками, торчавшими, как рожки. Он чувствовал себя с ней очень просто, но они встречались только в присутствии мамы и никогда не говорили ни о чем серьезном. Если бы Коля не поссорился со Степочкой, ему и в голову не пришло бы ни о чем советоваться с Лизой. Но теперь ему вдруг очень захотелось поговорить и посоветоваться с ней, и как раз о своей ссоре со Степочкой.

Случилось так, что он пришел в библиотеку к обеду и не застал маму.

— Марфа Петровна ушла в горсовет и просила подождать, — сказала Лиза, не отрывая глаз от книги.

Коля стоял перед нею в нерешительности.

— Садись читай, — предложила она.

— Пойдем походим, — сказал Коля.

Она удивленно взглянула на него, но, дочитав до главы, захлопнула книгу и встала.

Они вышли в сад и пошли по дорожке, переходя из света в

ть, из тени в свет. Коля не знал, как начать разговор, и они молчали. От этого молчания он смутился еще больше. Но она помогла ему.

— Хочешь, я покажу тебе мой домик? — спросила она.

— У тебя есть домик? — удивился Коля.

— Да. Там очень хорошо.

Она побежала вокруг здания библиотеки, и он побежал за ней. Позади библиотеки сад был еще гуще — он разросся за время войны и стал почти непроходимым. Раздвигая прутья кустов, Лиза вела Колю все глубже в чащу, и Коля вдруг увидел маленький сарайчик, сколоченный из темных, мохнатых от старости досок. Дверь была сорвана с петель и валялась тут же, в высокой траве. Лиза вошла в сарай, Коля — за ней.

Внутри пахло теплой прелью, сеном, мышами. Часть крыши была сорвана, но отверстие прикрывали ветви липы, сквозь густые листья которой голубело небо. Солнечный свет проникал в сарай через щели между досками, и все внутри было покрыто узкими сияющими полосами.

— Смотри, мы полосатые, как тигры, — сказала Лиза.

— Ты сюда часто ходишь?

— Иногда. Здесь такое чувство, будто мы на краю света, в дремучем лесу. Мне это нравится. На берегу реки Амазонки. А на самом деле мы в центре города. Раздвинь эти кусты и увидишь стены библиотеки.

Коле хотелось поговорить с ней о Степочке, но он не знал, как начать. И вдруг она сказала:

— Приходи сюда со своим Степой.

— Ты знаешь Степочку? — удивился Коля.

— Нет, не знаю. Только видела. С виду он совсем малыш, но я много про него слышала.

— Что ж ты слышала?

— Говорят, что он ничего не боится.

— Это верно, — сказал Коля убежденно.

— Так приведи его. Приведешь?

— Нет, — проговорил Коля глухо. И, отвернувшись, прибавил: — Мы с ним поссорились.

Лиза с сочувствием посмотрела в его огорченное лицо.

— Никогда не надо ссориться с теми, кого любишь, — сказала она строго. — Поссорись из-за пустяков, а потом многие годы будешь жалеть и не сможешь поправить. Так у меня случилось с Настей.

— С какой Настей?

— С моей самой лучшей подругой. Она жила за городом, где-то на реке, и когда шла в город, проходила через лес. В начале войны, летом, перед самой эвакуацией, она пошла в город и по дороге набрала в лесу орехов. Тут она встретила девочек из нашей школы и раздала им все орехи. Мы тогда еще совсем маленькие были, только что в третий класс перешли. Я увидела их, когда они уже орехи доедали. И мне ни одного ореха не осталось! И хотя я терпеть не могу орехов, я рассердилась на Настю за то, что она угостила других девочек, а не меня, потому что ведь я была ее лучшая подруга. Она заплакала, она обещала принести мне целый мешок орехов, но я топнула ногой, сказала, что никогда, никогда не буду с ней больше дружить, и ушла.

— Но вы, конечно, помирились! — воскликнул Коля.

— Нет, — сказала Лиза, — мы не помирились, потому что я ее больше не видела. Мы уехали на Урал, а она осталась здесь. И все эти годы, в разлуке, я мучилась, что так нехорошо с ней поступила, что ее обидела, потому что она ведь была очень несчастная девочка...

— Несчастная?

— Ну да, несчастная. У нее не было ни отца, ни матери, а только отчим, старик. Он ее не любил, почти не кормил, одевал в рваные тряпки. Жили они где-то совсем одиноко, ни в городе, ни в деревне, и никто за нее заступиться не мог. Он даже в школу пускал ее неохотно, но она очень хотела учиться и ходила такую даль одна и очень хорошо училась. Она была самая старшая в классе по годам, но на вид несколько не старше нас — тоненькая, тихая. С нашими девочками она мало сходилась и дружила по-настоящему только со мной, потому что я больше всех книг прочла. Она очень любила читать, но у ее отчима не было никаких книг, а я уже и тогда умела доставать книжки повсюду — и дома, и в городской библиотеке, и в

школьной, и у знакомых. Все, что я читала, я рассказывала Насте. Мы шли с нею к реке, садились у самой воды, и я рассказывала, рассказывала, рассказывала. Ей очень хорошо было рассказывать, потому что она могла слушать сколько угодно и никогда не перебивала. Мне нехватало книг для рассказывания, и я сама сочиняла длинные повести с множеством приключений и уверяла ее, что все это прочла. Я очень, очень ее любила...

— Ну, а теперь, когда ты вернулась, вы, конечно, помирились? — спросил Коля.

— Как же мы могли с ней помириться, когда ее здесь нет! — воскликнула Лиза.

— Нет? А где же она?

— Я, когда вернулась сюда, прежде всего побежала о ней узнавать, — сказала Лиза. — Я узнала, что при немцах она со своим отчимом довольно долго жила где-то здесь, возле города, а потом они вдруг оба исчезли, пропали без вести. И только теперь я наконец узнала, куда она делась.

— Куда?

— Немцы увели ее в рабство.

— Вместе с отчимом?

— Нет, одну. Об отчине ее ничего неизвестно.

— Она работала у немцев на заводе?

— Не знаю — на заводе или в деревне, а только она убежала и долго где-то бродила и пряталась, пока туда не пришли наши войска...

— А где она теперь?

— А теперь она приезжает.

— Сюда?

— Сюда.

— Откуда ты знаешь?

— Она прислала письмо.

— Кому? Тебе?

Лиза нахмурилась.

— Вот в том-то и дело, что не мне! — сказала она горько. — Адрес мой она хорошо знает, потому что я живу там же, где жила до войны. Родных у нее нет, я была ее самая близкая

подруга, и все-таки она написала не мне. Неужели она думает, что я до сих пор с ней в ссоре из-за орехов?

— Вздор! — сказал Коля уверенно. — Не может этого быть! Ты помнишь про эти орехи, потому что ты была неправа: вспоминаешь и мучаешься. А ей незачем их вспоминать, и она давно позабыла. Кому же она написала?

— Архипову.

— Архипову? — удивился Коля. — Почему Архипову?

— Не знаю. Архипов тоже оставался здесь при немцах, и они, наверно, познакомились.

— Когда же она приедет?

— Пишет, что скоро. Письмо пришло еще в июне, и я жду ее все лето. Может быть, с ней что-нибудь случилось...

— Вот и у нас со Степochкой... — начал было Коля.

Ему очень хотелось рассказать Лизе про Степochку.

Но тут вдруг они услышали голос Колиной мамы.

— Лиза! — кричала мама. — Лиза!

— Марфа Петровна зовет. Бежим! — сказала Лиза и выскочила за дверь.

— Вот и мы со Степochкой поссорились, — продолжал Коля, продираясь вслед за ней сквозь кусты.

— И очень глупо, — сказала Лиза не оборачиваясь.

— Да я с ним не ссорился... Это он со мной поссорился.

— Из-за чего?

— Ну, уж не из-за орехов, — сказал Коля.

— Раз он с тобой поссорился, значит ты, верно, что-нибудь не так сделал, — сказала Лиза на бегу.

— Он хочет, чтобы я вместе с ним... на лодке... — старался объяснить Коля, догоняя ее.

— А ты что ж?

— А я не могу.

— Побоялся?

— Не побоялся, а не могу...

— А я ничего не побоялась бы, — сказала Лиза не оглядываясь. — Мне потому Степа нравится, что он ничего не боится. И ты не должен бояться. Твой папа был героем, и ты должен быть героем.

Коля хотел ей объяснить, что Степочка зовет его с собой навсегда на Черное море, а он не может оставить маму совсем одну; но было уже поздно. Они уже вбежали в библиотеку, и мама, улыбаясь, разливала суп по тарелкам.

Пообедав, Коля пошел в школу. Он шел и думал.

После рассказа Архипова о том, как папа и Виталий Макарыч ушли на тайное собрание партизан, получивших приказ взорвать мост, и как партизаны были убиты там немцами, все, кроме Виталия Макарыча, которому удалось спастись, Коля только об этом и думал.

Где было это собрание? Как немцы узнали о нем? Партизаны дрались или были перебиты без боя? Что делал, и говорил, и думал папа в эти последние минуты перед гибелью? И кто взорвал мост, если все партизаны были убиты?

Обо всем этом мог бы рассказать только этот высокий, безрукий, курчавый человек, который, строя школу, ждет кого-то. Он посылает Архипова к каждому поезду, к каждому пароходу. Кого он ждет?

Коля смутно чувствовал, что существует какая-то связь между смертью папы и мостом, который взорвал неизвестно кто, и ожиданием Виталия Макарыча.

Он много думал об этом, но, сколько ни думал, ничего не становилось яснее. Он знал только, что Виталий Макарыч с каждым днем нравится ему все больше. Вначале он ему не понравился. Не Витмак, а Ведымак. Но Коля, конечно, сам понимал, что не понравился ему Виталий Макарыч только оттого, что сидел в папином кресле.

И теперь он сердился на себя за это.

Как смел он плохо думать о человеке, который был другом его отца? Ведь папа, наверно, любил его и, уж конечно, ему доверял — они были вместе в одном отряде. Виталий Макарыч — герой, отважный партизан, потерявший руку в бою и чудом спасенный. А как он работает и как умеет заставить работать

других — просто, без всякого принуждения! Коля сам работал на постройке школы и хорошо это знал. Часто вспоминалось Коле, с каким ужасом следил Виталий Макарыч за Степочкой, когда тот шел по железной балке над двором. Как он потом обнял Степочку и поднял своей единственной рукой. Он добрый человек. Коля, может быть, и полюбил бы его, да еще как, если бы только Виталий Макарыч поговорил с ним, рассказал ему все. Нужно поговорить с Виталием Макарычем.

Виталия Макарыча Коля видел часто и много и все ждал, когда наконец удастся поговорить. Он долго надеялся, что Виталий Макарыч заговорит с ним сам. И не раз ему казалось, что разговор этот вот-вот начнется, потому что он не раз замечал на себе добрый и внимательный взгляд Виталия Макарыча. Виталий Макарыч подолгу стоял у Коли за спиной, когда Коля работал рубанком, и с таким неприкрытым любопытством рассматривал его, так пристально следил за движениями его рук, что Колин затылок начинал краснеть и рубанок забегал не туда, куда нужно. Но никогда не заговаривал. И если Коля оборачивался, сразу же отходил к другому верстаку.

Но теперь, идя после обеда в школу, Коля решил, что заговорит с Виталием Макарычем во что бы то ни стало, хочет он или не хочет. Коля подойдет к нему и скажет: «Мне надо с вами поговорить». И Виталию Макарычу будет нелегко отказаться от разговора.

Подходя к школе, он увидел Степочку. Степочка, маленький, серьезный, уверенный, шел через площадь в школу. С тех пор как Степочка перестал с ним разговаривать, Коля, встречаясь с ним, чувствовал себя униженным. Степочка считает его трусом. От одной мысли об этом Коля не мог заговорить со Степочкой.

Однако он втайне мечтал, чтобы Степочка сам заговорил с ним.

И вдруг Степочка, поровнявшись с Колей, сказал:

— Пустой...

Коля остановился, удивленный, обрадованный, просиявший, полный надежды.

— Сегодня пятница, — сказал Степочка.

Коля молчал, стараясь сообразить, почему важно, что сегодня пятница. И вдруг понял.

— Ты едешь сегодня? — спросил он.

— Да, сегодня мы с тобой едем, — сказал Степочка и властно поднял свой коротенький носик. — Ровно в двадцать один ноль-ноль приходи к белому домику, который я тебе показал с крыши.

— Степочка, но ведь я говорил тебе, что я...

— Не хочешь?

— Не могу...

Степочка повернулся и, не сказав больше ни слова, вошел в ворота школы.

6

Доски, которые он должен был обстрогать, уже лежали на его верстаке, приготовленные Вовой Кравчуком. Коля с удовольствием принялся за работу — она отвлекала его от мыслей. За последнее время он научился отлично владеть рубанком. Стружка ползла ровная, он по желанию мог делать ее толще и тоньше, доска становилась гладкая, как стекло. Прислушиваясь к шелесту стружек, он не заметил, как кто-то остановился у него за спиной.

— Ты, кажется, хотел со мной поговорить? — раздался голос Виталия Макарыча.

Выпустив из рук рубанок, Коля обернулся. Виталий Макарыч улыбался и внимательно смотрел на него.

— Ну что ж, пора, — продолжал Виталий Макарыч. — Я тоже давно уже собираюсь с тобой поговорить, но хотел раньше к тебе приглядеться. Ты снаружи очень похож на своего отца. Когда глядишь тебе в глаза, кажется, будто говоришь с ним. Но, как знать, похож ли ты на него внутри... И я все откладывал.

Он еще раз медленно оглядел Колю от макушки до башмаков и сказал:

— Пойдем поговорим.

Он зашагал к дверям школы, и Коля пошел за ним. Мальчи-

ки глядели им вслед, но не очень удивились: им знаком был обычай Виталия Макарыча разговаривать наедине то с одним школьником, то с другим. Многие из них уже прошли через эти разговоры, иногда приятные, иногда неприятные, но всегда такие, что их не скоро забудешь.

Виталий Макарыч отвел Колю в свой кабинет — бывший кабинет Колиного папы — и сел за стол.

На столе стояла чернильница с такими знакомыми Коле медведями.

— Пора нам познакомиться, — сказал Виталий Макарыч, ласково и серьезно глядя Коле в лицо. — И не только потому, что я учитель, а ты мой ученик. Мы с тобой связаны и иной, еще более прочной связью, и нам нужно знать друг друга. О чем же ты хотел со мной поговорить?

Коля хотел поговорить с ним о папе. Но, как всегда, заговорить о папе было ему трудно.

— Вы были партизаном? — спросил Коля.

— Был, — ответил Виталий Макарыч.

И охотно, просто, дружески, как большему, он стал рассказывать Коле о себе.

— До войны я жил с сестрою в Тирасполе, — сказал он. — Я заболел аппендицитом, меня положили в больницу и сделали мне операцию. Когда в Тирасполь пришли вражеские войска, я еще лежал в больнице и никуда не мог двинуться. Меня схватили, упрятали в лагерь, и я думал, что там помру. Однако выжил. Через полтора года я бежал из лагеря и тайком вернулся в Тирасполь. Спрашиваю: где сестра? Говорят: ее убили. В Тирасполе я больше оставаться не мог — за мной следили, — и я ушел. Я пришел сюда, в этот город, так как понимал, что Красная Армия освободит этот город раньше, чем Тирасполь. Здесь я познакомился с партизанами, и они приняли меня в отряд.

Коля внимательно слушал этот рассказ, думая, что Виталий Макарыч сейчас расскажет и о знакомстве с его папой. Но Виталий Макарыч вдруг спросил:

— Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Моряком, — ответил Коля.

— Здесь есть еще один мальчик, который хочет стать моряком, — сказал Виталий Макарыч. — Он в бригаде маляров, его зовут Степа. Храбрый мальчик! Ах да, ты ведь, кажется, с ним приятель...

Коля кивнул головой. Он, конечно, не собирался рассказывать Виталию Макарычу о своей ссоре со Степochкой.

— Я тоже хотел стать моряком, — продолжал Виталий Макарыч.

— Отчего же вы не стали? — спросил Коля.

— Оттого, что я стал учителем. И, представь, не жалею. Оказалось, что быть учителем так же увлекательно, как быть моряком. Твой папа тоже никогда не жалел, что он учитель...

Вышло так, что Виталий Макарыч сам заговорил о папе.

— Ты очень любил своего папу? — спросил он, помолчав.

— Очень, — сказал Коля.

— Я тоже очень любил его, — проговорил Виталий Макарыч. — Это он меня вовлек в отряд. Я очень любил его, — повторил он, — хотя мы встречались с ним недолгий срок — только те три месяца, что он прожил у Архипова за комодом. Я приходил к нему, мы сидели там в тесноте перед коптилкой и разговаривали часами. Он много рассказывал мне о твоей маме и о тебе. Он не знал, где вы. Не знал, живы ли вы. Он очень тосковал. Потом он ушел от Архипова, мы собрались в условленном месте, и все было кончено...

Он замолчал, очевидно не уверенный, нужно ли продолжать. Но Коля хотел знать все.

— Вы собрались, чтобы взорвать мост? — спросил он.

— Да, — сказал Виталий Макарыч, — все было уже подготовлено. Нет, не мы подготовили мост к взрыву, а сами немцы. Но они думали его взорвать только тогда, когда все их войска будут уже на той стороне. А нам поручено было взорвать его раньше, чтобы они не могли уйти. Мы разведали точно, где они заложили свои мины, и должны были прорваться к мосту и взорвать его. План действий был разработан отлично, мы получили приказ, собрались... Но все кончилось...

Он опять замолчал.

— У вас был большой отряд? — спросил Коля.

— Сначала большой, наводивший ужас на немцев во всей области. Меня тогда здесь еще не было. Но потом фронт приблизился, и отряд разделился — большинство партизан ушло на запад, в глубь занятой немцами территории, а здесь осталась маленькая группа, которой поручили только одну задачу — взорвать в нужную минуту мост. Двадцать человек, самых отборных. Я был двадцать первый. Получив приказ, мы собрались поздно ночью, и...

Он колебался, нужно ли продолжать.

— На вас напали немцы, — сказал Коля.

Виталий Макарыч кивнул.

— И долго вы дрались? — спросил Коля.

— Не знаю, — ответил Виталий Макарыч. — Ничего не знаю. Я сидел в домике, когда совсем рядом раздалась стрельба. Я схватил гранату и прыгнул в окно. Меня сразу ранили, и я потерял сознание. Одна пуля пробила мне руку, другая слегка задела голову и ошеломила меня. Я пролежал в кустах часа два, ничего не помня. Когда я очнулся, уже светало. Кругом тихо, только плещет река за деревьями. Я разгреб кусты и вылез. Убитых немцев я не считал, их было много. А товарищей моих было убито восемнадцать человек...

Виталий Макарыч уже не сидел в кресле, а взволнованно ходил по своему кабинету.

Коля молча следил за ним. Сердце у Коли билось так сильно, что мешало ему говорить. Наконец он овладел собой.

— Виталий Макарыч, — попросил он, — скажите мне только одно: что стало с убитыми?

— Колхозники похоронили их в братской могиле.

— Значит, мой папа тоже лежит в этой могиле?

— Нет, — сказал Виталий Макарыч, — среди восемнадцати убитых не было твоего папы.

— Где же он?

— Не знаю. Он, видимо, тоже погиб, но когда и где — неизвестно.

Выговорить это Виталию Макарычу было нелегко. Он отвернулся, чтобы не смотреть на Колю. Однако Коле показалось, что он заметил на глазах у Виталия Макарыча слезы. Но

Қолины глаза были сухи. Он только словно одеревянел весь внутри. Ему хотелось открыть дверь и уйти, забиться куда-нибудь, где бы его никто не мог увидеть, остаться совсем-совсем одному.

Но он не ушел. Ему нужно было знать все.

— Виталий Макарыч, — спросил он твердо, — а как немцы узнали, где вы собираетесь?

У Виталия Макарыча блеснули глаза.

— Как узнали? — переспросил он, и лицо его передернулось. — Очень просто. Нас предали.

— Кто же вас предал?

— Да, — сказал Виталий Макарыч, — любопытно было бы знать, кто нас предал.

— А вы не знаете?

— Кто-нибудь из своих. Посторонним ничего не было известно.

— Значит, в отряде был предатель?

Виталий Макарыч кивнул.

— Кто? Восемнадцать человек убито...

— Немцы не стали бы убивать предателя. Кто-нибудь из тех, кто тогда остался в живых.

— В живых остались вы и мой папа, — сказал Қоля, блеснув глазами. — Ведь не вы были предателем...

— И не твой папа.

— Кто же?

— Третий. В живых тогда осталось трое.

— Вы знаете этого человека?

— Знаю.

— Где он?

— Исчез.

— И вы уверены, что это он вас предал?

— Больше некому, — сказал Виталий Макарыч. И, помолчав, прибавил: — Но это надо доказать.

— Как же доказать, если все погибли?

— Я докажу, — сказал Виталий Макарыч. — Я жду... Мне бы только дождаться... И тогда все будет ясно.

Коля вышел из кабинета Виталия Макарыча и спустился на двор. Но к своему верстаку он не подошел. Ни на кого не взглянув, он вышел на площадь и наугад пошел через город, торопливо сворачивая с улицы в улицу.

Он старался думать, но мысли его разбежались. Почему-то вспоминалось ему не то, что говорил Виталий Макарыч; а те слова, которые сказала ему сегодня Лиза: «Твой папа был героем...» Он чувствовал нежность к Лизе, вспоминая эти ее слова. Прямодушная, добрая Лиза не сомневалась, что Колин папа был героем. Коля тоже ни на мгновение в этом не сомневался; он чувствовал, что и Виталий Макарыч не сомневается. И все же Виталий Макарыч сказал: «Но надо доказать!»

Не замечая времени, он долго бродил по улице и очень устал. Внезапно река преградила ему дорогу. Он остановился и очнулся.

Он стоял один на крутом голом склоне, горячем от вечернего, низко висящего солнца. Куда идти? Он решил спуститься к воде.

Сойдя вниз, он сел на камень и стал смотреть в воду. Река двигалась у его ног могуче и неудержимо. Гладкая, без ряби, как стальная, она неслась и неслась, спокойная, важная, уверенная в своей силе. Он издавна любил смотреть на движущуюся воду.

На песке возле самой воды лежала щепка, и он спихнул ее носком башмака в воду. Она нерешительно закачалась, как бы не зная, в какую сторону ей направиться. Робко-робко отодвинулась она от берега. Но мало-помалу смелости в ней прибывало, она шла все быстрее, все уверенней. И через минуту она уже твердо, без колебаний, неслась вдаль, к мосту. Коля следил за нею, пока не перестал ее видеть, и потом долго еще скользил глазами по речной глади, стараясь угадать ее там, в просторе.

Он стал думать о том, где побывает эта щепка, которую он отправил в путь. Она будет плыть днем и ночью, под звездами, под горячим солнцем, под косыми дождями, мимо лесов, дере-

вень, городов, из этой реки попадет она в реку, которая еще больше, еще могущественнее, пересечет с севера на юг всю широкую полосу степей и выйдет в море. И кто знает, сколько лет будет качаться она там, в море, переползая с гребня на гребень, и к какому далекому, диковинному берегу вынесет ее наконец.

И он подумал, как хорошо было бы стать маленьким человечком, не больше наперстка, взобраться на эту щепку и отдать себя во власть могучей воды, омывающей все страны, все земли, и уплыть в безграничный простор мира, где нет ни тревог, ни мучений, а только звезды, ветер и вольная воля.

«Твой папа был героем, и ты тоже должен стать героем». Так сказала Лиза. И он вдруг почувствовал страстное желание немедленно, сейчас же совершить подвиг, самый удивительный, самый отважный, чтобы и Степочка, и Лиза, и Виталий Макарыч знали, что он достоин своего папы.

Солнце стало огромней, краснее, и край его уже уперся в землю, там, за низменным берегом заречья. Степочка скоро сядет в свой челнок и поплывет по реке до самого моря. Когда это будет? Завтра? Послезавтра? Какой сегодня день? Коля стал считать дни. Сегодня пятница.

Пятница! Сегодня Степочка отправляется в плавание на Черное море! В двадцать один ноль-ноль! Через час! Нет, через полчаса!..

Коля нерешительно встал с камня. Солнце зашло, быстро темнело. Коля поднялся вверх по откосу. Там он постоял минуту, потом свернул — но не влево, к дому, а вправо. Он шел сначала медленно. Потом все быстрее. Потом побежал.

Первые звезды зажглись в небе, деревья слились в черные купы, но он знал дорогу к тому белому развалившемуся домику, возле самой воды, между двумя мостами, где был спрятан Степочкин челнок. Он бежал, и бежал, и бежал, словно за ним гнались, слетел с горки по склону к реке, пересек железнодорожные пути, которые вели к временному деревянному мосту, и когда был уже совсем близко, заблудился в каких-то кустах. Он пошел напрямик, через кусты, ломая их, и перед ним мелькнули белые стены. Вот он, домик.

— Степа! — позвал он негромко.

Он обошел домик вокруг и увидел Степочку. Степочка уже выволок свой челнок из домика, спустил на воду, в камыши, и вставлял весло в уключину.

— Садись, — сказал он Коле. — Я ждал тебя. Я знал, что ты придешь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ

1

Коля влез в челнок и сел на среднюю скамейку. Степочка — босой, в коротеньких штанишках — оттянул челнок от берега и вскочил в него.

Камыши, еле видные в темноте, расступились с шуршанием, уступая челноку дорогу.

— Раз уж ты сел за весла, так греби, — сказал Степочка. — А я буду править.

И Коля стал грести. Сначала челнок шел медленно, с трудом преодолевая сопротивление камышей. Но камыши внезапно кончились, и они вышли на свободную воду — черную, с дрожащими светлыми пятнышками отраженных звезд. И пошли быстрее.

Руля у челнока не было, но было третье весло, коротенькое, и Степочка, сидя на корме, правил этим веслом. Он держал курс прямо от берега и даже несколько вправо, против течения.

— Я хочу выйти на стрежень еще до моста и там свернуть, — объяснил он. — Тогда нас пронесет под мостом в самой середине, между двумя центральными быками, на месте взрыва.

Коля смутно понял его слова, да и не вдумывался в них. Лишь бы двигаться — куда угодно. Взмахи весел и равномерные всплески воды успокаивали его. Редкие огни города, отражаясь в воде дрожащими столбиками, удалялись. Огни удалялись и плыли в сторону; несмотря на все усилия Степочки, челнок сносило течением. Сбоку в темном небе смутно угадывалось

что-то еще более темное, поглощавшее то одну звезду, то другую, — взорванный мост.

Приближение моста чувствовалось по все нараставшему шуму воды, разбивавшейся у громадных каменных быков. Степочка, сидевший прямо против Коли, обеими руками держал рулевое весло, давил на него грудью. Он был напряжен и неподвижен.

— Греби! Только греби! — шептал он.

Коля послушно греб изо всех сил. Шум воды становился все громче, превращаясь мало-помалу в протяжный рев. Этот рев несколько не беспокоил Колю, он к нему не прислушивался, не понимая его значения.

И вдруг сбоку во тьме он увидел что-то черное, какую-то громаду, стремительно приближающуюся, уже совсем близкую. Белая пена хлопотала и бугрилась у подножия громады, а громада все росла и росла, надвигаясь на челнок из тьмы со скоростью поезда. Это был бык моста, и течение, волоча челнок боком, тащило их прямо на него.

Коле стало жутко, и он наклонился вперед, чтобы лучше рассмотреть лицо Степочки. Оно было напряженное, жесткое, спокойное. Степочка что-то сказал Коле, грохот воды заглушил его слова, но Коля догадался: греби! И Коля греб, греб, греб...

Пена хлопотала уже вокруг, челнок как-то странно раскачивался, громада быка была уже совсем рядом и заслонила звезды, половину неба. Коле стало жутко и захотелось бросить весла. Но он взглянул на Степочку — и не посмел.

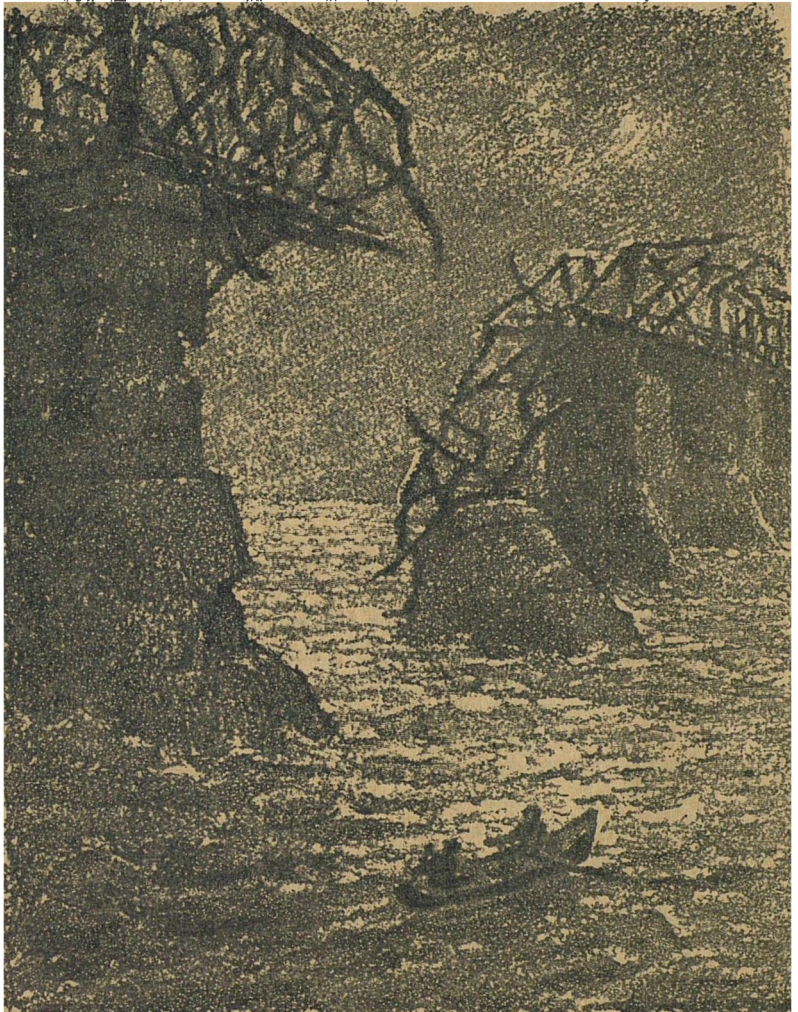
Вдруг Степочка резким движением переложил рулевое весло, и челнок круто повернулся — носом к быку. Коля вскрикнул, но сам не расслышал своего крика — так ревели кругом вода. В гибели он уже не сомневался.

Однако бык снова оказался сбоку. Их несло мимо.

Спасены!

— Бросай весла! — крикнул Степочка.

Коля выпустил весла из рук. Они повисли в уключинах вдоль бортов. Если бы он бросил их на мгновение позже, весло было бы сломано — так близко к быку проносило течение челнок. Коля поднял голову и высоко-высоко над собою увидел

исковерканные взрывом железные балки моста, растопыренные, словно пальцы. Звезды двигались между ними. Метрах в пятидесяти от челнока из воды торчал следующий бык, обвалившийся и почти целиком погруженный в воду. Издали, с городских улиц, он был едва заметен, но здесь вершина его, торчавшая над водой, казалась большой черной скалою, окруженной белой пеной.

— Вот это был расчет! — сказал Степочка с удовольствием. — Если бы я ошибся на один метр, наш бот раздавило бы, как яйцо.

Коля устал. Он все не мог отдышаться и жадно глотал воздух. Взорванный мост они уже миновали — огромный бык, который едва не погубил их, был за кормой и отступал, уходя во тьму.

Коля повернулся к корме спиной и стал смотреть вперед. Река тускло поблескивала при свете звезд. На высоком правом берегу был лес, и его зубчатые вершины отчетливо выделялись в звездном небе. Левый берег, низкий и луговой, едва угадывался в темноте. С этого почти незримого берега доносился треск кузнечиков и запах кашки.

— Грести мы пока не будем, — сказал Степочка. — Смотри, как нас быстро несет!

Челнок казался неподвижным. И, только глядя на правый берег, было видно, как круглые, обросшие лесом холмы ползли назад, постоянно меняя свои очертания. Течение кружило челнок — оно несло его вперед сначала носом, потом правым бортом, потом кормой, потом левым бортом и снова носом, и кружились берега, кружилась река, кружились звезды над их головами. Город и мост давно уже скрылись бесследно.

У Коли под ногами лежало что-то мягкое. Он нагнулся и нащупал сети из тонких бечевков. Это был невод — сложенный, он лежал на дне челнока. Тут же рядом лежали два длинных прута с лесками и крючками — две удочки.

— Одна для меня, другая для тебя, — сказал Степочка.

И Коля подивился: значит, Степочка все это время не сомневался, что он не посмеет его послушаться и поедет с ним!

В челноке было сложено все то необходимое имущество, о

котором Степочка говорил Коле еще на школьной крыше: солдатский котелок, мешок с картошкой, мешочек с сухарями, совсем маленький кулек с крупой, четыре банки мясных консервов. Была еще большая жестянка, в ней можно было готовить, но пока Степочка употреблял ее для того, чтобы вычерпывать воду из челнока. Была здесь и тренога, сделанная из толстой проволоки — изобретение Степочки, которым он очень гордился; эту треногу можно было поставить в костер и подвешивать к ней котелок. В карманах у Степочки хранились: три коробки спичек, перочинный ножик и замечательная, непромокаемая зажигалка. Она закрывалась герметически, с нею можно было выкупаться и потом зажечь. Настоящая морская вещь!

Было, конечно, и оружие, и прежде всего две ручные гранаты Ф-1. Кроме того, был длинный обоюдоострый нож, вроде кортика, но без ножен, и штык, шершавый от ржавчины и не совсем прямой. Было несколько десятков патронов, совершенно исправных: больших — от винтовки и маленьких — от нагана. Ни винтовок, ни наганов пока не было, но Степочка надеялся при случае их раздобыть.

Все это оружие предназначалось для двоих и было распределено Степочкой так: каждому по гранате, Степочке кортик, Коле штык. Но временно, ввиду того что им пока не угрожала никакая опасность, оно было сложено в одном месте — под передней скамейкой челнока, где суше всего.

Степочка задолго готовился к плаванию и старался предусмотреть все необходимое. Но в первую же ночь оказалось, что он предусмотрел не все. Он забыл об одежде. На нем была кепка, темная бумажная курточка поверх рубашки и брюки. Обуви не было никакой — он все лето ходил босиком и считал, что обувь нужна только зимою. У Коли были башмаки и носки, но не было ни курточки, ни кепки. Он совсем не готовился к путешествию и явился на челнок так, как ходил днем: в рубашке, надетой на голое тело. И мало-помалу стал зябнуть.

Сперва он только ёжился, потом начал дрожать. День был жаркий, а ночь оказалась холодной. Он снова принялся грести, чтобы согреться; выровнял челнок, вывел его на середину реки; но руки его так устали в первые минуты плавания, что теперь

едва слушались, и через четверть часа он в изнеможении передал весла Степочке, который тоже озяб. Степочка греб, а Коля сидел рядом на корме с мокрым рулевым веслом в руках и дрожал.

С левого берега полз туман, клочковатый, белесый; за пеленою этого тумана, сырого и холодного, постепенно исчезла вся река, исчезли берега, только звезды попрежнему ярко сияли вверху.

Хуже всего было то, что Коле вдруг отчаянно захотелось спать. Несколько раз он задремывал сидя, но тотчас же просыпался от холода и опять с тоской видел кругом воду, туман, тьму. Он хотел предложить Степочке пристать к берегу и поискать где-нибудь тепла, но не решался, боясь, как бы Степочка не стал презирать его за слабость. Степочка давно уже не греб, оставил весла и тоже дрожал. Но был бодр, как прежде, и, задрав голову, внимательно разглядывал созвездия.

— Мы плывем прямо на юг, — сказал он, вероятно надеясь этим утешить Колю. — Большая Медведица как раз у нас за кормой. Где Большая Медведица, там север.

Коля обернулся и увидел семь звезд Большой Медведицы, висевших над рекой, как легонький мостик. Они показались ему такими холодными, эти звезды, что он сразу, дрожа, отвернулся от них.

— Вот если бы немного погреться, — сказал Коля робко.

— Да где же погреться? — спросил Степочка.

— В какой-нибудь деревне...

— Здесь деревень нет, — сказал Степочка. — Видишь, кругом ни одного огня.

Действительно, весь этот край, сожженный немцами, ночью казался необитаемым. Они не видели ни одного огня, с тех пор как покинули город.

— Ну, в лесу посидим...

— В лесу еще холоднее.

— Костер разведем...

Но Степочка был непреклонен. Он заранее составил себе план путешествия и не хотел от него отступать. По этому плану, всю первую ночь они должны были провести в плавании, чтобы

поскорее уплыть как можно дальше от города. Тогда их не догонят.

— Вот солнце встанет, согреемся, — сказал он.

Но сам понимал, что солнце встанет еще очень не скоро. Ему тоже было холодно и тоже хотелось спать. Поразмыслив, он предложил:

— Давай ляжем рядом на невод, под скамейками. Прижмемся друг к другу, и нам будет тепло.

Действительно, на дне челнока было немного теплее. Они обнялись, грея друг друга. И Коля уснул.

Это был беспокойный, тяжелый сон, часто прерывавшийся. Коля просыпался от холода всякий раз, когда Степочка вставал, а Степочке приходилось вставать часто, потому что течение прибывало челнок к берегу и нужно было отталкиваться. Степочка ложился, и Коля засыпал снова. При каждом его пробуждении созвездия меняли свое положение в небе. Ночь двигалась.

Наконец он проснулся от такого нестерпимого холода, что больше заснуть не мог. Светало. Звезды исчезли, и края маленьких облачков в вышине розовели от солнца. Там, в небе, уже началось утро. Но внизу солнце еще не появлялось, и все было скрыто туманом, белым и плотным. Туман обступал челнок со всех сторон, как стена, и что за этой стеной — разглядеть было невозможно.

Степочка сидел за веслами и греб. Коля поймал на себе его взгляд и, закрыв глаза, притворился спящим. Ему не хотелось разговаривать. Нестерпимая тоска томила его. Он не сразу понял, отчего ему так тоскливо. Нет, не от холода. Ему плохо потому, что сам он нехорош. Он сделал что-то скверное, несправедливое. Вот только надо вспомнить, что он сделал.

И вдруг он вспомнил. Мама!

Он бросил ее, оставил совсем одну. Его мучило, что Степочка считает его трусом, ему Лиза сказала, что он должен быть героем, и он забыл о маме! Разве в том геройство, чтобы бросить все и бежать куда-то на Черное море? Это бегство, а не подвиг. Он просто бросил все важное, трудное, бросил на других людей и удрал. А этого важного и трудного так много! Вот

подвиг — восстановить разрушенную школу. Вот подвиг — помочь Виталию Макарычу раскрыть до конца страшную тайну гибели партизанского отряда, узнать о судьбе папы. А мама... Вот самое важное дело — помочь ей жить, помочь ей перенести свою горе. Мама... Коля уехал, ничего ей не сказав, ни о чем не спросив. Зачем он так обидел маму!

Озябший, он лежал на дне челнока и от стыда не мог открыть глаз. Мама, конечно, беспокоилась о нем всю эту ночь. Она теперь ищет его по городу. Что же ему делать? Вернуться! Но как? Рассказать обо всем Степочке? Нет, Степочка не поймет его, он подумает, что Коля струсил, и будет смеяться.

И Коля решил расстаться со Степочкой, чуть только они пристанут к берегу, и вернуться в город пешком.

2

Но Степочка и не думал приставать к берегу.

— Поешь сухарей, — сказал он. И прибавил совсем так, как говорят у Жюль-Верна: — Это подкрепит твои силы.

Он сам уже, отложив весла, усердно хрустел сухарями. Когда ему попадался какой-нибудь особенно твердый сухарь, он протягивал руку за борт и мочил его в реке. Грызая сухари, он деловито и бодро вглядывался в туман маленькими своими глазками, стараясь хоть что-нибудь увидеть за его пеленою. Время от времени поглядывал он и на Колю — дружелюбно, понимающе и весело.

Коля поднялся с невода, пересел на скамейку и послушно принялся за сухари. Они были крепкие, как железо, и для того, чтобы разжевать их, приходилось потрудиться немало. Работая челюстями, Коля даже немного согрелся. Но все-таки вид у него был унылый, и Степочка не мог не заметить этого.

— Тебе тяжело с непривычки, — сказал Степочка ласково и без всякой насмешки. — Ты привыкнешь, и все тебе станет легко. Мне легче, чем тебе, потому что я заранее готовил себя к плаванию, а ты нет. Человек может научиться всему: не есть, не пить, не спать, не мерзнуть. Человек не знает своих сил, их

у него, гораздо больше, чем он думает. Я давно об этом догадался и составил для себя такое правило: все, что может сделать другой, могу сделать и я. Ливингстон в центре Африки заболел тропической лихорадкой, температура у него была выше сорока, но нужно было идти, и он шел. Значит, и я могу идти с температурой выше сорока. Красноармеец в декабре, на разведке, переплыл начинающую замерзать реку, пять часов пролежал на снегу в мокрой одежде, следил за передвижением немцев, опять переплыл реку и доложил обо всем своему командиру. Значит, и я могу переплыть реку в декабре, значит, и я могу пять часов пролежать на снегу. Знаешь, отчего я научился ходить по балке над школьным двором? Оттого, что я думал, что партизаны ходили по этой балке в старое здание школы.

— Партизаны ходили в старое здание по балке над школьным двором? — спросил Коля.

— Наверное, ходили. Старое школьное здание было разбомблено в самом начале войны, и в первый год оккупации в верхнем его этаже был партизанский штаб. Это теперь всем известно. Я долго думал, как проникали туда партизаны. Все лестницы, ведущие в верхний этаж, разрушены. Оставался один путь — по балке над школьным двором.

«Значит, и папа ходил по этой балке», подумал Коля.

— Ты был в том месте, где они жили? — спросил он.

— Там во всем этаже сохранилась всего одна комната. Чтобы до нее добраться, здорово нужно полазить. Идешь все время, как по карнизу — сбоку пропасть. Потом попадаешь в черный коридор, поворот в темноте — и дверь. Никогда не догадаешься, что там комната.

— Осталось что-нибудь в этой комнате?

— Почти ничего. Стол, железные кровати. Видно, что на столе стоял радиоприемник — сохранилась проволочная антенна. Эти две гранаты я там нашел.

— Ну!

— Нашел несколько воззваний, написанных на пишущей машинке.

— А что в этих воззваниях?

— В них сообщается, что немцы разбиты под Москвой, что Красная Армия наступает, что партизаны мстят немцам и будут мстить. Хорошо написано! Нашел еще один документ, очень странный...

— Странный?

— Он был спрятан под половицей. Я отодвинул кровать, нечаянно наступил на одну половицу, и вдруг она поднялась. Там лежала бумажка, сложенная, и в ней написано на двух языках — слева по-немецки, справа по-русски. Вроде удостоверения...

— Что же там написано?

— А там написано, что лоцман Козиков оказал услуги и просьба ему содействовать.

— Кому оказал услуги?

— Немцам, наверно. Подписано немецким комендантом.

— А кто такой этот Козиков?

— Не знаю. Там сказано, что лоцман.

— Лоцман?

Но Степочка не ответил. Он вслушивался. Далеко в тумане, за кормой челнока, выла пароходная сирена.

Уже совсем рассвело, но туман не поредел. Он только стал цветистым от солнечных лучей, внезапно пронизавших его насквозь, и клубился вокруг челнока, как дым. Берегов попрежнему не было видно, в двадцати шагах не было видно даже воды. И рев пароходной сирены доносился словно из другого мира.

— Ты знаешь, что это? — спросил Степочка.

— Пароход, — сказал Коля.

— Пароход-то пароход, а какой?

— Не знаю.

— «Иван Мичурин». Я его сирену даже во сне узнать могу, — сказал Степочка не без самодовольства. — Самый большой пароход на реке. Бывшая «Минерва».

«Иван Мичурин», видимо, с трудом прокладывая себе путь в тумане, и сирена его ревела почти непрерывно. Этот рев, раздавшийся за кормой челнока, становился все громче. «Иван Мичурин» нагонял челнок.

— У Черного моря он будет через пять суток, — проговорил Степочка. — А мы — только через месяц.

— Нужно дать ему дорогу, а то он на нас наскочит, — сказал Коля. — Нужно грести к берегу.

Степочка сразу же взялся за весла. Но, вместо того чтобы грести к берегу, он повернул челнок носом против течения и двинул его вверх по реке.

Коля следил за ним с недоумением.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Иду навстречу «Мичурину».

— Зачем?

— Хочу, чтобы он взял нас на буксир.

От удивления и неожиданности Коля растерялся.

— Но ведь капитан никогда не согласится..

— Тю! — сказал Степочка. — Мы не будем у него спрашивать. Мы прицепимся сами.

И он изо всех сил ударил веслами по воде.

Сирена, на минуту затихшая, взревела снова, и голос ее на этот раз был оглушителен.

Коля невольно заткнул уши. Значит, пароход уже совсем близко!

— Степочка, — сказал Коля, когда сирена умолкла, — я не хочу на буксир. Он завезет нас, и мы не сможем вернуться..

— Вот и хорошо, — ответил Степочка. — Мы ведь не собираемся возвращаться..

Коля не решился сознаться, что собирается вернуться, и проговорил:

— Он перевернет нас..

— Небось! — сказал Степочка. — У него за кормой привязана лодка. Мы пропустим его, пройдем мимо его борта и прицепимся к лодке. Ступай на нос! Я буду грести, а ты — привязывать.

Коля послушно полез через скамейки на нос челнока. Не успел он сесть, как прямо перед собой увидел что-то черное, надвигающееся, огромное, как гора. Это был «Иван Мичурин». Он вынырнул из тумана так внезапно, что сразу оказался перед челноком.

— Степа!.. — крикнул Коля.

Степочка попытался повернуть челнок вправо. Но не успел. Коля увидел огромный борт парохода над собой. Потом толчок, грохот. Коля взлетел на воздух и упал в воду.

Вода сомкнулась над ним. Он почувствовал, что быстро движется — все вниз, вниз, вниз.

3

Потом его потащило вверх. Он вынырнул на мгновение, наконец, и прямо перед собой, в пяти шагах, увидел громадное колесо «Мичурина» — в сияющих брызгах и клокочущей пене. Вода бурлила вокруг Коли, словно в кипящем котле, и едва он успел схватить ртом воздух, как его снова потащило вниз. Его долго несло под водой, крутя и швыряя. Так долго, что когда он снова вынырнул, «Иван Мичурин» уже скрылся в тумане. Только вода еще колыхалась, поднимая и опуская Колю.

Коля жадно, глубоко дышал, с наслаждением хватая воздух ртом.

Вдруг он вспомнил о Степочке. Где Степа?

Ни Степочки, ни челнока нигде не было видно. Берега тоже не было видно. Проклятый туман все заволакивал.

Коля медленно поплыл наугад. Он давно умел плавать, но теперь почувствовал, что плыть ему гораздо труднее, чем обычно. Он был в башмаках, и башмаки, намокшие, полные воды, тянули его вниз.

Он понял, что надо разуться. Но едва он протягивал руки, собираясь развязать шнурки башмаков, как погружался, и ему приходилось делать отчаянные усилия, чтобы снова выбраться на поверхность. Однако разуться было необходимо, иначе он не продержится на воде и двух минут. Он набрал полные легкие воздухом, согнулся и стал развязывать шнурки, погружаясь все глубже и глубже.

Шнурки, к счастью, развязались, и башмаки удалось сбросить с ног. Он сразу же почувствовал, что поднимается. Он очень долго поднимался. Наконец он вынырнул и вздохнул.

Шагах в десяти от себя он увидел круглую стриженую голову Степочки. Они поплыли друг другу навстречу.

— Плыдем налево, — сказал Степочка. — Левый берег ближе.

Неизвестно, почему он решил, что левый берег ближе, но Коля послушно поплыл налево.

Они плыли рядом. Степочка обсуждал причины гибели челнока.

— Все было придумано правильно, — говорил он. — Помешал туман. Если бы «Мичурин» вынырнул из тумана хоть на две минуты позже, мы прошли бы вдоль его борта, прицепились бы сзади к лодке, и он потащил бы нас на буксире.

Они плыли, и им все время казалось, что берег совсем близко, вот-вот, за ближайшей полосой тумана. Они торопились, но туман отступал перед ними, и они опять ничего не видели впереди, кроме тумана и воды.

Степочка стал отставать. Несколько раз Коле приходилось останавливаться и поджидать его. Степочке это не понравилось.

— Не жди меня, — сказал он. — Плыви сам, а уж я-то доплыву.

Но круглое лицо его было бледно. И Коля через минуту опять остановился, чтобы подождать.

— Положи одну руку мне на спину, — предложил Коля. — Тебе будет легче.

— Я тебе сказал — плыви один! — ответил Степочка сердито.

Он плавал хуже Коли и раньше устал, но не хотел в этом признаться. И всякий раз, когда Коля останавливался, он свирепо смотрел на него.

Однако останавливаться Коле приходилось все чаще, потому что Степочка все больше отставал. Несмотря на остановки, расстояние между ними увеличивалось. Степочка дышал громко, часто и неровно. Несколько раз он даже погружался в воду с головой, и Коля в ужасе ждал, появится ли он снова. Но Степочка появлялся и продолжал плыть — из последних сил.

Коля сам уже изнемогал. Поджидая Степочку, он как-то раз опустил ноги и вдруг почувствовал, что ступни его коснулись дна. Здесь было мелкое место. Он мог стоять, вытянувшись во весь рост и выставив нос и рот из воды.

— Сюда! — закричал он Степочке. — Я стою!

Степочка подплывал долго и медленно. Руки и ноги уже почти не повиновались ему. Но в конце концов он поровнялся с Колей и выпрямился, стараясь коснуться ногами дна. И сразу же захлебнулся — он был меньше Коли ростом и стоять здесь не мог.

Коля обнял его и приподнял. Впереди, в тумане, что-то темнело. Коля, много раз обманутый, уже не верил в близость берега. И все же он шагнул туда, где темнело. Он медленно шел по дну, держа Степочку на руках. Ноги его вязли в мягком иле. Дно не повышалось, и Коля боялся, что вот-вот опять станет глубже.

Но вдруг он ногами нащупал что-то вроде ступеньки. Он шагнул — и плечи его вышли из воды. Здесь уже мог стоять и Степочка. И внезапно стало ясно, что темное пятно, мерещившееся в тумане, — ветви ивы.

Раздвигая листья и прутья, они вышли на берег. Это был болотистый берег, почти не возвышавшийся над водой, такой топкий и мокрый, что негде присесть. Лишь толстый ствол старой горбатой ивы, склонившейся над водой, как прачка, полощущая белье, был сух. Они взобрались на иву и долго дышали, прижавшись к стволу.

4

Солнце пошло вверх, и туман над рекою быстро таял, редая на глазах. Все яснее становился длинный ряд старых ив, склонившихся к воде. Легкий ветер серебрил их, шевеля листья.

Отдышавшись, Коля и Степочка разделись и всю свою одежду повесили на ветви — сушиться. Голые, они сидели на иве, прижавшись друг к другу спинами. Солнце уже заметно грело.

— Нужно узнать, что это за земля, — сказал Степочка наконец.

Туман исчез бесследно, и противоположный берег был хорошо виден. Высокий, лесистый, пустынный, он перевернутой зубчатой стеной отражался в воде. Но тот берег, на котором

они находились, рассмотреть было трудно: густые ветви ив все заслоняли.

Степочка прыгнул на землю и пошел от воды, раздвигая кусты. Коле не хотелось оставаться одному, он тоже прыгнул и пошел за Степочкой.

Земля была топкая, ноги проваливались в черную грязь, поросшую травой. Ни тропинки, ни полянки — итти было трудно, приходилось все время продирааться сквозь кусты. Коле казалось, что сейчас начнется откос и они пойдут вверх. Но они уже довольно далеко отошли от реки, а кругом было все так же низко и мокро.

И вдруг впереди, сквозь ветви, Коля увидел воду. Он очень удивился — они шли от реки и снова вышли к реке.

Эта река была не такая широкая, как та, по которой они плыли. За рекой виден был большой луг, на лугу, вдали, паслись коровы, а еще дальше, в самом конце, лежала деревня.

— Что это за река? — спросил Коля.

— Это не река, — сказал Степочка, — это протока.

— Протока?

— Мы на острове. Мы прошли его насквозь. Мы на необитаемом острове.

Степочка взглянул на Колю с некоторым даже торжеством, и было ясно, что, попав на необитаемый остров, он доволен. Он давно мечтал об островах, особенно о необитаемых.

Коля тоже в другое время был бы рад необитаемому острову. Но сейчас ему хотелось поскорей вернуться к маме.

— Как же мы отсюда выберемся? — спросил он.

— Увидим, — сказал Степочка. — Прежде всего нужно исследовать остров. Так делают всегда.

Они пошли обратно сквозь кусты к иве, на которой сушилась их одежда, и нашли эту иву не сразу. Рубашки и штаны, не совсем еще высохшие, висели на ветках, как флаги. Коля и Степочка оделись.

Солнце поднялось уже довольно высоко, и стало совсем тепло. Они пошли теперь вдоль берега, так как Степочка надеялся, что их челнок принесло течением к острову. Итти было все так же трудно. Приходилось перелезать через толстые

стволы ив, дуплистые и трухлявые, которые давно уже от старости упали на топкую землю, но продолжали жить, раскинувшись во все стороны молодые побеги.

— Я знаю, что это за остров, — сказал Степочка. — Это Серебряный остров.

И Коля вспомнил, что очень давно, еще до войны и эвакуации, слышал он, что где-то на их реке есть остров, который называют Серебряным.

— А почему он Серебряный? — спросил Коля.

Степочка задумался.

— Не знаю, — сказал он. — Быть может, оттого, что на нем зарыт клад?

— Нет, — проговорил Коля с сомнением. — Вряд ли на нем зарыт клад. Наверное, оттого, что он весь зарос ивами.

И действительно, едва порыв ветра налетал на остров и взметал узкие листочки ив, сверху зеленые, а снизу серебряные, как все кругом серебрилось.

Они прошли уже довольно далеко по берегу острова, но челнока своего не нашли.

Болото кончилось, берег стал выше и суше, они шли по пояс в некошеной густой траве.

Вдруг Степочка, шагавший впереди, воскликнул:

— Смотри, пристань!

И Коля увидел на воде, возле самого берега, маленький деревянный помост, почти скрытый ветвями огромной ивы. По краям помоста торчали колья для привязывания лодок. Но лодок не было.

От пристани в глубь острова вела узенькая тропинка.

— По ней ходили еще совсем недавно, — сказал Степочка. — Она не заросла травой.

Пристань и тропинка навели их на мысль, что, может быть, остров этот вовсе не такой уж необитаемый, как им показалось вначале. Они побежали по тропинке, которая, сворачивая то вправо, то влево, поднималась по пологому склону небольшого холма. Холм тонул в непроходимой чаще кустов, но наверху кусты стали редеть, и мальчики внезапно оказались на круглой полянке.

Посреди полянки возвышалась земляная насыпь, поросшая ровной яркозеленой травой, а на насыпи стояло небольшое сооружение из свежих, некрашенных, не успевших еще потемнеть досок — конус с пятиконечной звездой на верхушке.

Это была могила. Коля не раз уже видел такие могилы, с тех пор как вернулся в родной город. Он обошел насыпь кругом.

На другой стороне деревянного конуса, под пятиконечной звездой, была фанерная доска, выкрашенная в белый цвет, а на фанерной доске была надпись:

Здесь колхозниками деревни Захонье погребены восемнадцать героев, отдавших жизнь за свободу Родины:

*Антонов Сергей
Вознесенский Павел
Дроздов Анатолий
Иванов Андрей
Иванов Иван
Иванов Яков
Казанчевский Аркадий
Корниенко Платон
Кудрявцев Дмитрий*

*Кузнецов Игнат
Кучеров Петр
Лебедев Алексей
Опоркин Александр
Пекин Филипп
Тобояков Арсений
Топорков Александр
Фридман Яков
Яковлев Федор*

— Ты знаешь, кто это? — спросил Степочка, тоже прочитавший надпись.

Он почему-то говорил шопотом.

— Знаю, — сказал Коля.

— Это они.

Коля кивнул.

Степочка положил руку на Колино плечо, и они долго стояли перед могилой, не отрывая от нее глаз.

Первым очнулся Степочка. Он заметил, что тропинка, которая привела их к могиле, здесь не кончалась, а сбегала вниз по другой стороне холма и пропадала в кустах.

— Пойдем, — сказал он Коле.

Они пошли вниз по тропинке. Коля был молчалив и вряд ли замечал, куда они идут. Наконец он спросил:

— Ты думаешь, их тут и убили?

— Вернее всего, — сказал Степочка.

Они говорили шопотом, хотя могила осталась далеко позади.

— Значит, они собирались здесь, на Серебряном острове?

Степочка кивнул.

— Но мне рассказывали, — продолжал Коля, — что немцы напали на них, когда они сидели в доме. А здесь нет никакого дома.

— Вот он, — сказал Степочка и остановился.

Среди ив и осин стоял маленький деревянный домик, выкрашенный в зеленый цвет, с островерхой крышей. Окошко, дверь, крыльцо. Тропинка подбегала прямо к крыльцу.

— Я знаю, что это за домик, — проговорил Степочка. — Я видел такие. Это лоцманский домик.

— Лоцманский?

— Их много на реке. Они стоят в тех местах, где мели и перекаты. В них до войны жили лоцманы. Они следили за мелями, проводили суда, отмечали фарватер баканами...

— В этом домике и сейчас живет лоцман?

— Не знаю... Стекло в окошке выбито...

Они в нерешительности смотрели на домик, ожидая, что дверь вот-вот откроется и кто-нибудь выйдет на крыльцо. Но никто на крыльцо не выходил. Было тихо. Только ветер шуршал листьями.

— Жаль, что все наше оружие погибло, — прошептал Степочка.

— Ты думаешь, на нас могут напасть?

— Нет, я так... Всегда нужно быть готовым.

Степочка чувствовал себя разведчиком в неведомой стране. Пригнувшись, он осторожно пошел к дому. Коля тоже пригнулся и двинулся вслед за ним.

— Посмотри, какая стена, — шепнул Степочка.

Обшитая досками стена дома была вся в дырочках, как соты.

— Это пули, — сказал Коля.

Степочка кивнул.

Он подкрался к окну и заглянул в него.

— Ну что? — спросил Коля.

— Никого!

Степочка взошел на крыльцо, взялся за дверную скобу и дернул. Дверь отворилась.

Они вошли в сени. В темных сенях, вдоль стенки, были сложены дрова. Степочка нащупал вторую дверь, обитую войлоком. Тоже не заперта. Они вошли в комнату.

Со стен свисали грязные обои. Закоптелая русская печь, чугунный котелок, стол, стул, железная кровать с кучей какого-то рваного тряпья. Два окна — второе глядело на юг, на реку, туда, где протока сливалась с главным руслом. Оно тоже было выбито.

— А сюда не придут? — спросил Коля, робко озираясь.

— Кому сюда притти! — сказал Степочка. — Тут никто не живет, разве не видишь? Тут, может быть, с того самого времени никого не было. С тех пор как на них напали.

Коля вздрогнул.

Вот здесь, в этой тесной комнате, собрались партизаны в ту страшную ночь. Двадцать один человек.

Был тут Виталий Макарыч, был тут и Колин папа... Здесь на них напали. Коля видел дырочки от пуль в оконной раме, в досках потолка.

В углу стоял мешок. Коля подошел к нему, заглянул в него. В мешке картошка. Неужели она лежит здесь с тех пор? Коля засунул в мешок руку и вытащил картофелину. Картофелина была большая, крепкая, свежая. Нет, не пролежала она здесь так долго.

— Степа, — сказал Коля, — тут кто-то живет.

Степочка обрадовался картошке.

— Бери с печки чугунок и беги к реке за водой, — сказал он. — А я пока растоплю. Мы с тобой пообедаем.

— Но ведь это чужая картошка...

— Вот еще! Мы потерпели кораблекрушение. Нам можно.

Тут только Коля заметил, как ему хочется есть. Он схватил котелок, выбежал из домика и побежал к реке. До реки было близко — домик стоял на горушке, в самом южном конце остро-

ва, над водой. Коля зачерпнул воды. Когда он вернулся, в печи уже трещал огонь.

Степочка с гордостью вертел перед собой свою зажигалку. — Вот что значит непромокаемая! — сказал он.

Степочкин нож погиб во время кораблекрушения, и чистить картошку было нечем. Решили варить ее в шелухе. Дрова разгорелись, и, несмотря на выбитые стекла, в комнате стало жарко. Ожидая, когда закипит в котелке вода, Коля и Степочка сели рядком на кровать. Степочку вдруг разморило от жары, от почти бессонной ночи. Он положил голову Коле на плечо и уснул.

У Коли тоже мало-помалу стали слипаться глаза, и он, вероятно, уснул бы, если бы не странный звук, который заставил его вздрогнуть и насторожиться.

Звук был тоненький, приглушенный, протяжный, похожий на плач. Будто плачет маленький ребенок — тихо-тихо, но где-то очень близко.

— Степа...

— Ты что? — Степочка недовольно открыл глаза.

— Слышишь? Кто-то плачет.

— Кому здесь плакать!

Но тут и он услышал.

Коля вскочил и подошел к окну. Звук, вместо того чтобы усилиться, стал слабее. Коля вернулся на середину комнаты. Здесь слышно было лучше. Коля отворил дверь и вышел в сени. Там ничего не было слышно.

Степочка уже стоял за печкой, в полутьме, перед маленькой закрытой дверцей, которую они вначале не заметили. Такие дверцы обычно ведут в чулан или в кладовушку.

— Она там, в чулане, — сказал он.

— Она? Кто она?

— Не знаю...

Едва они заговорили, как плач прекратился. Они молча ждали. Ни звука.

Степочка постучал в дверь кулаком.

— Эй, — крикнул он. — Чего ты плачешь?

Все смолкло. Потом раздался тоненький спокойный голос:

— Я не плачу. Я пою.

Н А С Т Я

1

Не плачет, а поет! Степочка дернул дверь. Но дверь не открылась.

— Выходи! — сказал Степочка.

— Не могу.

— Почему?

— Я не могу ходить.

— Не можешь ходить?

— Я заболела.

Заболела! Лежит больная, да еще на необитаемом острове!

— Ты одна? — спросил Коля.

— Одна.

— И никто в этом доме больше не бывает?

— Никто.

— Открой, — сказал Степочка.

— А кто вы?

— Мальчики, — сказал Коля.

— Мы потерпели кораблекрушение, — сказал Степочка.

— Хорошо, я сейчас открою.

Что-то зашуршало, двинулось за дверью, звякнул крючок. Степочка толкнул дверь.

Они очутились в маленьком темноватом чуланчике с крохотным квадратным оконцем. Когда-то в оконце было стекло, но теперь от него остались только два осколка по углам. Почти весь чуланчик занимал сундук, и на этом сундуке под одеялом лежала девочка.

Чуланчик был так узок, что она могла открыть и закрыть дверь не вставая.

У нее было маленькое личико, бледное до синевы. Черные ресницы, черные брови. Очень большими темными глазами она спокойно, без удивления осмотрела Степочку и Колю.

— Как ты сюда попала? — спросил Степочка.

Он все еще не мог привыкнуть, что остров оказался обитаемым.

— Я здесь живу, — сказала девочка.

— Всегда здесь живешь? — удивился Коля.

— Раньше — всегда.

— А теперь?

— Теперь я не знаю, где буду жить.

Она отвечала вятно, отчетливо, но как-то безучастно и, казалось, не совсем сознавала то, что происходит. Коля протянул руку и положил ей на лоб. Так делала мама, когда хотела узнать, не болен ли Коля. Лоб у девочки был очень горячий.

— Ты давно лежишь? — спросил он.

— Не знаю.

— Не знаешь?

— А сейчас утро или вечер? — спросила она.

— Утро, — ответил Коля.

— Была ночь, потом был день, потом опять ночь, потом опять день... Нет, не помню, у меня все в голове спуталось... Лежу с тех пор, как вернулась.

— Вернулась? Откуда ты вернулась?

— Из Германии.

— Ты была в Германии?

— Да. Меня увели.

— Ты там работала?

— На заводе.

— Долго?

— Нет, не очень. Я убежала.

— Куда ж ты убежала?

— Днем я пряталась, а ночью шла навстречу нашим войскам.

— И встретила?

— Встретила.

— Отчего ж ты не сразу вернулась?

— Лежала в госпитале. Я оттуда написала письмо.

— Кому?

— В город. Одному человеку.

— Ты уже была в городе?

— Нет, я прямо сюда. Зашла только в деревню, там, за протокой. В деревне меня все знают, в каждом доме. Они дали мне с собой картошки. Я переехала сюда, на остров, посмотрела на могилку, пришла в дом и заболела.

— Тебя навещал кто-нибудь из деревни?

— Навещал? Нет, никто не навещал. Они думают, что я давно уже в городе. Я им сказала, что только переночую на острове и пойду в город.

— Кто ж тебя кормил?

— Никто.

— Ты сама себе готовила?

— Нет.

— Степа, она много дней ничего не ела! — воскликнул Коля.

Степочка побежал к печке и крикнул:

— Картошка готова!

— Мне совсем не хотелось есть и сейчас не хочется, — сказала девочка. — Я лежала и ничего не помню, словно спала, мне только было то очень холодно, то очень жарко. Когда я открывала глаза, я видела свое окошко и ту длинную висящую ветку березы. Вон она качается, там, за окошком. Я столько раз смотрела на эту ветку — и когда была совсем маленькая и когда уже ходила в школу... Очнусь, открою глаза, увижу окошко и ветку — и радуюсь. Ночью сквозь листья видны звезды, и кажется, будто они растут на ветке, как яблоки. Потом опять все пропадет. Открою глаза, увижу: уже день, и ветка вся тонет в солнечном свете, дрожит и сияет каждым листочком. И вспоминаю, что я опять на родной стороне... Сколько прошла я дорог, и полей, и мостов!.. И вот снова я дома, и все кончилось, и я пойду в город, и там нет больше немцев, а только свои.. Я смотрела на ветку и пела..

Коля не совсем ясно понимал то, что она говорила, и стал опасаться, уж не бредит ли она. Быть может, действительно, разум ее затуманился, потому что слова ее стали сбивчивы и говорила она так, словно разговаривала сама с собой. Степочка выплеснул из котелка кипяток, принес котелок в чулан, поставил на пол и стал вынимать горячие, сразу обсохшие

картофелины. Они обжигали ему пальцы, и он дул на них и подбрасывал их на ладонях, очищая. Он забыл о том, что сам очень голоден, и прежде всего хотел накормить девочку.

Он пальцами тыкал ей картошку прямо в губы. Но она как будто не понимала, чего от нее хотят, и, не разжимая губ, отворачивалась.

— Садись, садись! — уговаривал ее Степочка. — Ешь! Ты, может быть, не любишь без соли? Коля, посади ее.

Коля взял ее за узенькие плечи и приподнял, но она сразу опять упала, раскинув по подушке черные волосы. Они оба отступили от сундука, растерянные, смущенные своим неумением ей помочь.

Однако глаза ее вдруг стали яснее, и она, видимо, поняла, чего от нее хотят.

— Кушайте сами, — сказала она. — Пожалуйста, кушайте. А я полежу.

Она вытянулась, затихла, веки ее закрылись, и нельзя было разобрать, спит ли она или смотрит из-под длинных ресниц в окошко. Степочка и Коля ели, обжигаясь, горячую картошку, которая казалась им необыкновенно вкусной. Они ели молча, потому что были очень голодны.

— Так ее оставить нельзя, — сказал Коля, когда котелок почти опустел. — Не может она лежать тут совсем одна.

Степочка кивнул. Дожевав и проглотив, он сказал:

— Мы побудем здесь с ней, пока она не поправится. Потом мы возьмем ее с собой и поплывем вместе.

— Куда?

— Как куда? На Черное море.

Но Коле этот план не понравился.

— Как же мы поплывем, если наш челнок пропал? — спросил он.

— Тю! — сказал Степочка. — Здесь на берегу возле каждой деревни сколько угодно лодок.

— Нет! — возразил Коля твердо. — Неужели ты не понимаешь, что ей нужен доктор?

Мысль о докторе не приходила Степочке в голову. Он заколебался.

— Где же ты возьмешь доктора?

— Я привезу его из города, — сказал Коля. — Ты останешься с ней, а я переплыву протоку, пройду в деревню, расскажу обо всем и пришлю сюда кого-нибудь из ее знакомых. А потом я отправлюсь в город и вернусь сюда с доктором. Я все расскажу Виталию Макарычу, и он поможет мне найти доктора, который поедет со мной.

Он был так захвачен этим внезапно пришедшим ему в голову планом, говорил так уверенно, что Степочка — первый раз в жизни — не только не попытался им командовать, но подчинился ему.

Он послушно старался запомнить наставления, которые давал ему Коля перед уходом.

— Я разденусь, намотаю всю одежду на голову и поплыву, — говорил Коля. — А ты свари еще картошки и заставь ее поест, если она очнется. И воды притащи — пускай всегда будет свежая вода. Это очень важно. И не отходи от нее ни на шаг, слышишь?.. Здесь в чулане темно и тесно, хорошо бы перенести ее в ту комнату...

— Меня не надо переносить в ту комнату, — вдруг сказала девочка. — Там его комната.

Коля вздрогнул и повернулся к ней.

— Его комната? — переспросил он. — Кого?

— Лоцмана.

— Ты жила здесь с лоцманом?

— Да.

— Он здесь? Он может вернуться?

— Нет. Он не вернется.

— А кто он? Твой папа?

— Нет, не папа. У меня нет ни папы, ни мамы. Он мой отчим.

— Отчим!..

И, пораженный внезапной догадкой, Коля воскликнул:

— Я знаю, кто ты! Ты — Настя!

— Настя, — сказала девочка.

— Настя! — крикнул Коля. — Отчего ты не написала письмо Лизе Макаровой?

Настя подняла свои темные глаза и впервые посмотрела на него внимательно.

— Ты знаешь Лизу Макарову?

— Конечно знаю! Она еще вчера мне о тебе рассказывала! Она тебя ждет — не дождется!..

Настя покачала головой.

— Неправда, — сказала она. — Лиза не ждет меня. Она со мной поссорилась.

— Глупости! — воскликнул Коля. — Неужели ты думаешь, что она так долго может помнить какую-то ссору из-за орехов?

— Так она тебе и про орехи рассказывала? — сказала Настя грустно. — Нет, она не ждет меня. Она помнит нашу ссору, если не забыла про орехи.

Коля хотел убедить ее, что Лиза ее любит, и ждет, и мучается, и считает себя виноватой в этой ссоре, но не успел произнести ни слова, потому что дверь вдруг скрипнула, и кто-то вошел в сени, громко стуча сапогами.

Коля выскочил из чулана, прикрыв за собой дверцу, и остановился возле печки рядом со Степочкой.

2

Дверь медленно отворилась, и из сеней вынырнул сначала длинный шест с железным крючком на конце, потом появилась седенькая, мокрая, торчащая вперед бородака, и наконец весь Архипов, в огромных болотных сапогах с отворотами, перешагнул через порог. Мокрый от шапки до пяток, он сурово, из-под бровей, взглянул на притихших мальчиков, но заговорил не сразу, так как возился со своим длинным багром, который не помещался в комнате. И, только просунув конец багра в окно, он сказал:

— Ага. Вот вы где!

Степочка засунул руки в карманы и, приподняв маленький носик, смотрел на Архипова независимо, равнодушно, даже надменно. Но Коля, неожиданно для самого себя, так ему обрадовался, что покраснел.

— Вот это хорошо, — сказал Архипов неторопливо. — Вот это правильно. Вот это разумно. Пускай весь город всю ночь не спит, пускай Виталий Макарыч по больницам бегает, пускай милиция на конях скачет, а мы, никому не сказавшись, будем сидеть на острове в пустом доме и у печки греться. Хорошо! Правильно!

Все это он говорил, глядя главным образом на Степochку. Но Степochка смотрел на него спокойно, не мигая. Архипову это, верно, не понравилось, и дальше он говорил, обращаясь только к Коле.

— А ваша мамаша, Марфа Петровна, вас давно уже покойником считает, — сказал он, — и всю ночь до рассвета по городу бегала, надеясь найти ваше мертвое тело.

— Мама не спала всю ночь? — воскликнул Коля в отчаянии.

— И не ложилась. А вы как думали? Вы думали, можно раздеться и спать лечь, когда единственный сынок исчез неизвестно куда и, вернее всего, на mine подорвался?

— На mine?

— На mine, — повторил Архипов строго. — И очень просто. Здесь такие случаи бывали. Немцы, отступая, тут все кругом заминировали, и до сих пор случается — то там взорвется, то здесь. Марфе Петровне так это ясно представилось, что она и Виталию Макарычу про mine говорила и в милиции. Вся милиция со вчерашнего вечера на ногах. Я, конечно, не верил, что вы на mine...

Архипов был единственный человек на свете, говоривший Коле «вы», и Коля раньше замечал это не без удовольствия. Но сейчас от этих архиповских «вы» чувство стыда еще сильнее охватывало его. Что должна была испытать мама, думая, что он подорвался на mine!

— Вы про мину не поверили? — глядя в пол, спросил он Архипова.

— Не поверил. Так и Марфе Петровне сказал: не верю. Как только я узнал, что этот молодец тоже пропал, я сразу догадался: уплыли на челноке. Я много раз с откоса из своей землянки видел, как он бегал в белый домик и возился там с челноком. Чуть стало светать, я надел сапоги, взял багор и побежал

за мост вниз по берегу посмотреть, не выкинуло ли где на берег утопленников.

Багор этот у него, вероятно, сохранился с тех времен, когда он работал на сплаве леса. Коля много раз видел у сплавщиков такие багры.

— Утопленников? — переспросил Коля.

— Утопленников, — повторил Архипов. — Потому что под мостом от затонувших быков такое бурление, что даже капитаны буксиров проходят там с опаской. Не зная, не пройдешь. А когда мне один колхозник встречный сказал, что вниз по течению в камыше перевернутый челнок лежит, я больше не сомневался.

— Челнок не потонул? — спросил Степочка с внезапным любопытством.

— Я нашел его тут, за островом, в заводи, кверху днищем. Он застрял на корягах. Я там всю заводь багром перевероршил, собирался раздеваться и нырять, да вдруг смотрю: на острове из трубы пустого дома дым валит. А я этот дом знаю. Жить в нем некому, он пустой стоит с того дня, как мост взорвали. Я перевернул челнок, влез, отпихнулся багром — и на остров.

Он еще строже нахмурился и сказал:

— Ну, идемте.

— Послушайте... — начал было Коля. — Вон там в чуланчике...

Однако не кончил, потому что Архипов не слушал его. Приподняв голову, Архипов рассматривал следы пуль на стене. Лицо его стало торжественным и суровым. Внезапно он поднял руку и снял с головы шапку.

— Да, — сказал он тихим, дрогнувшим голосом, совсем не так, как только что говорил с мальчиками, — это то самое место...

Он, казалось, забыл о том, ради чего пришел сюда, и стоял посреди комнаты, разглядывая углы и стены. Коля подождал немного, потом тихо спросил:

— А кто тут жил?

— Лоцман, — ответил Архипов, не глядя на него. — Переводил пароходы через перекат. Лоцман Козиков. В старые вре-

мена богатый был человек, пароходы свои имел. У него был самый большой пароход на реке — «Минерва».

— «Иван Мичурин»?

Архипов кивнул.

— В революцию пароходы у него отобрали. Он где-то пропал, вернулся, женился на вдове лоцмана, поселился на острове и сам стал лоцманом. Потом овдовел. Хорошо реку знал! — Внезапно спохватясь, он прибавил: — Ну, хватит. Идемте, пожалуйста.

— Конечно, надо итти, — сказал Коля. — Но там в чулане... Нельзя же оставить ее совсем одну!..

Архипов сначала нахмурился, недовольный тем, что Коля ему возражает и не сразу идет к дверям. Но внезапно лицо его изменилось.

— В чулане? — воскликнул он в страшном волнении, пораженный догадкой. — Она вернулась?

Коля кивнул головой.

Архипов выпустил из рук багор и кинулся к чулану.

— Тише! — сказал Коля испуганно. — Она больна.

Архипов замер.

— Больна? — переспросил он шопотом. — Очень больна?

— Очень. У нее сильный жар. Иногда она ясно говорит, а иногда путается.

— Но она помнит?

— Помнит? — удивился Коля. — Что помнит?

— Как ждет ее Виталий Макарыч! Как он ее ждет!

— Это ее ждет Виталий Макарыч? Почему он ждет ее?.. Тише, она испугается!

Архипов осторожно приоткрыл дверцу чулана и заглянул в щелку. Сдерживая дыхание, он долго вглядывался, стараясь разглядеть в сумраке лежащую на сундуке девочку.

— Спит, — произнес он наконец шопотом.

Он тихо отворил дверцу и, ступая на носках, чтобы не шуметь, вошел в чулан.

Долго молча стоял он над девочкой, разглядывая ее бледное лицо.

— Как она изменилась! — тихо сказал он.

Через протоку Коля переправился на челноке. Весел не было — они безвозвратно погибли при столкновении с «Иваном Мичуриным», — но Архипов отдал Коле свой багор. Коля стоял посреди челнока, погружал багор в воду то справа, то слева и отталкивался. Протока была неглубока, багор всюду доставал до дна.

Вытащив челнок на берег, он бросил багор и побежал в деревню. Всю дорогу до деревни он бежал и потом бегом носился по дворам, разыскивая председателя колхоза. Председателя он нашел на току возле молотилки, белесого и поседевшего от пыли. Молотилка так гремела и стучала, что ни одного слова было слышно, и Коля потратил немало труда, знаками убеждая председателя отойти в сторону, где не так шумно. Но, поняв наконец, что Настя заболела на острове и что с ней Архипов и Степочка, председатель очень взволновался: он хорошо знал и Настю и Архипова. Немедленно на остров в лодках были отправлены люди, а он сам пошел звонить в город по телефону.

Коля спросил у него, как поскорее добраться до города. Оказалось, что туда сейчас направляется колхозная грузовая машина, груженная морковью. На куче моркови в кузове сидели две девушки. Машина уже тронулась, когда Коля добежал до нее, и девушки, протянув ему руки, на ходу втащили его в кузов. Машина неторопливо потащилась, наполняя звоном и скрежетом леса, окружавшие шоссе. Девушки спокойно разглядывали Колю от макушки до пяток. Одна была босая, другая — в ботинках и полосатых шерстяных чулках, обе с кирпичными от загара лицами, с белыми крепкими зубами; хруст морковок у них на зубах был слышен сквозь грохот машины.

— Ты ешь, — сказала Коле босая девушка.

— А можно? — спросил Коля.

Ему очень хотелось есть.

— Отчего же нельзя!

Коля взял морковку, очистил ее от земли и стал жевать. Морковка оказалась сладкая, сочная. Шоссе ползло вверх по пологому склону большого холма. Машина на подъеме гремела

так, что, казалось, вот-вот взорвется. Склоны холма были изрыты окопами, дзотами, землянками, завалены колючей проволокой и противотанковыми надолбами. Лес на холме был начисто сметен артиллерией, от него остались только пни да колья; холм лысым бугром возвышался над окрестными лесами.

Шоссе пошло вниз, машина, дребезжа, покатилаь быстрее. И вдруг оказалось, что они уже подъезжают к городу. Вот уж не думал Коля, что до города так близко. Они плыли со Степочкой целую ночь, а оказалось, что проплыли они расстояние, которое на машине можно проехать за какие-нибудь полчаса! Река извивалась, петляла, а шоссе было прямое.

В городе он соскочил с машины и побежал в слободу. Чем ближе подбегал он к дому, тем больше волновался. Дома ли мама? Он вбежал во двор. Окно их комнаты было закрыто. Когда мама дома, она открывает окно... На крыльце он столкнулся с Лизой.

— Колоколя! — воскликнула она.

Слезы брызнули у нее из глаз.

— Мама дома? — спросил он, шумно дыша.

Она замотала головой, вытирая глаза кончиками косичек.

— Нет, нет... — проговорила она. — Ты не пришел вчера ужинать, мы ждали тебя дома до одиннадцати часов, потом пошли и заявили в милицию. Там уже была тетя Степочки, и мы узнали, что он тоже пропал. Мы думали, что вы подорвались на mine... Мы с Марфой Петровной до рассвета ходили по улицам... Я не могла ее оставить...

— Мама всю ночь ходила по улицам? — спросил Коля в ужасе.

Ох, каким виноватым он себя чувствовал!

— Под утро она уговорила меня лечь у вас в комнате и обещала мне, что сама ляжет. Но не легла, а сидела у меня в ногах не раздеваясь. Я заснула, а когда проснулась, ее уже не было.

— Где же она?

— Она оставила мне записку... Написала, что идет в библиотеку, потому что, может быть, ты придешь в библиотеку, а не домой. А меня просила остаться здесь, у вас в комнате, и дожидаться тебя..

Коля уже не слушал. Он выскочил за ворота и побежал в библиотеку.

Лиза побежала за ним, с трудом поспевая.

— Ах, Коля, зачем ты это сделал? — воскликнула она на бегу.

— Ты мне сказала, что я должен быть героем, — с горечью ответил он не оборачиваясь.

— Да разве я думала, что ты убежишь, никому не сказав!..

Они долго бежали молча — впереди Коля, за ним Лиза.

— Я видел Настю, — сказал он вдруг.

— Какую?

— Твою.

— Мою? — Лиза остановилась, потрясенная. — Она вернулась?

Коля бежал попрежнему. Расстояние между ними увеличилось. Она кинулась догонять его.

— Она больше не сердится на тебя за орехи, — сказал он.

— Отчего же ты не привел ее?

— Она больна.

— Больна!

Но Коля больше не сказал ни слова, потому что они выбежали на улицу, где была библиотека. Он влетел в ворота, пробежал через сад, с разбегу вскочил на крыльцо, распахнул двери.

— Мама!

Увидев Колю, мама не вскрикнула, не заплакала, не улыбнулась. Она только очень побледнела, потом вскочила и с легким шуршаньем, таким знакомым Коле, подбежала к нему. Протянув руки, она обхватила его голову, нагнула его и прижала лицом к своей груди. И он услышал, как шумно стучит ее сердце.

Ни одним словом она не попрекнула его. И это было ему большее всего.

— Мама, прости меня! — лепетал он.

Она отпустила его голову и маленькой мягкой своей ладонью провела по его щеке. Он стыдливо посмотрел ей в глаза.

Тут мама вдруг улыбнулась, и Коля увидел зуб со щербинкой.

Вечером, когда Коля уже лег, привезли Настю и положили в комнате у Агаты. Так решил Виталий Макарыч, который днем выехал на Серебряный остров вместе с доктором. Коля, засыпая, слышал за стенкой осторожные шаги, приглушенные голоса, видел мельканье света в щелке под дверью, выходящей в коридор. Три мужских голоса различал он довольно ясно: голос Виталия Макарыча, голос Архипова и еще чей-то, незнакомый, — вероятно, доктора. Агата несколько раз забежала и что-то шопотом говорила маме. Вид у Агаты был взволнованный, смущенный и почему-то счастливый.

Утром Коля проспал и проснулся, когда мамы уже не было. Он торопливо оделся, умылся, наскоро поел и побежал в школу. На школьном дворе работа была уже в полном разгаре. Робко взглянув на Вову Кравчука, Коля проскользнул к своему верстаку и взялся за рубанок. Вова Кравчук посмотрел на него как ни в чем не бывало и ничего не сказал — словно не знал, что Коля не был вчера в школе. Повернув голову, Коля увидел и Степочку. Степочка усердно красил парты и, видимо, так был поглощен работой, что ничего не замечал вокруг. Все шло, как всегда, только Виталия Макарыча не было на дворе. Он появился всего один раз, ни с кем не разговаривал, никому ничего не показывал, а вызвал Агату из ее будки, что-то сказал ей вполголоса и вместе с нею ушел.

За обедом в библиотеке Коля встретился с Лизой Макаровой. Она только что пришла от Насти и рассказывала, что Насте лучше. Доктор сказал, что у нее воспаление легких, но теперь уже самое страшное позади, и она поправляется. Температура почти нормальная, голова ясная, она больше не забывается, как вчера.

— Мы с нею долго разговаривали, — сказала Лиза.

— Про орехи? — спросил Коля.

— Совсем не про орехи! — ответила Лиза сердито.

После обеда Коля опять ушел в школу на работу и вернулся домой, как всегда, в сумерки. Они с мамой уже допивали чай, когда вдруг вошла Лиза и сказала торжественно:

— Виталий Макарыч просит вас зайти в комнату к Агате Тихоновне!

Они сразу встали и пошли.

Коля снова увидел Настю.

Озаренная тусклым огоньком коптилки, стоявшей посреди стола, она лежала на Агатиной кровати и спокойно смотрела вокруг большими темными глазами. У Настиных ног на кровати сидела Агата. В углу, в полумраке, сидел Архипов. Когда мама и Коля вошли в комнату, он встал, молча поклонился и снова сел; лицо его на этот раз было как-то по-особенному важное. Впрочем, если не считать Настю, отпечаток какой-то важности и скрытого волнения лежал на всех лицах, даже на лице Лизы, тихонько усевшейся на кровать рядом с Агатой. Особенно торжественным и взволнованным показался Коле Виталий Макарыч.

Он торопливо вскочил навстречу Колиной маме, выдвинул стул на середину комнаты, на самое заметное место, и усадил ее.

— Марфа Петровна, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Я пригласил сюда вас и Колю, чтобы вы сами услышали все, что рассказывает эта девочка. Она собственными глазами видела то, о чем я только смутно догадывался.

Он повернулся к Насте и попросил:

— Расскажи нам, пожалуйста, где ты была во время убийства партизан на Серебряном острове?

— Я была в своем чулане, — сказала Настя.

— В том самом чулане?

— В том самом. Я была заперта. Он и раньше часто запирает меня в чулан, когда к нам приходили чужие. А в последнее время он совсем меня никуда не пускал, с тех пор как узнал, что я знакома с Архиповым. Он думал, что я догадываюсь.

— А ты догадывалась?

— Догадывалась, что он за немцев, хотя ничего не знала.

Она рассказывала спокойно и таким ровным голосом, словно говорила о самых обыкновенных вещах.

— Что же ты там слышала в ту ночь? — спросил Виталий Макарыч.

— Я слышала, как за стеной ходили, разговаривали. Потом начали стрелять. Много стреляли. Когда стрелять пере-

стали, он вытащил меня из чулана. Он сказал, что мы сейчас поедem.

— Куда?

— Не знаю. Далеко. И мы вышли из дому.

— Убитых ты видела?

— Видела. Их было много — и в доме и кругом. Мы натыкались на них, потому что было еще совсем темно. Немцы, убившие их, уже уехали с острова. Мы сели в нашу лодку, обогнули остров и высадились на правый берег. Он взял меня за руку, и мы пошли к городу. Он очень спешил, потому что хотел догнать одного человека.

— Какого?

— Не знаю. Какой-то партизан не был убит, а кинулся в воду и переплыл реку. Он хотел догнать его.

— Почему же он взял тебя с собой?

— Потому что он не собирался больше возвращаться на остров. Он говорил, что мы не вернемся. Он хотел догнать того человека, а потом уйти вместе со мной, чтобы я никому не могла рассказать. Он крепко держал меня за руку. По небу прыгали огни, все гремело, и он сказал мне, что это на том берегу наступают русские. Он очень боялся.

— Откуда ты знаешь, что он боялся? — спросил Виталий Макарыч.

— Я про него всегда все знаю. Он от страха так сжимал мне руку, что пальцы у меня стали как деревянные. Уже начало немного светлеть, и до города было близко, и мы хорошо видели мост, и немецкие танки, и машины, которые по мосту удирали из города на эту сторону. Мы шли не по дороге, а ближе к реке, тропинкой между кустов, по самому краю обрыва. И вдруг на обрыве, гораздо ниже нас, мы заметили человека, который тоже очень быстро шел вдоль реки к мосту.

— Какой же это был человек?

— Я его плохо разглядела, потому что еще не совсем рассвело. Высокий, босой, без шапки, и такой мокрый, что холодно было на него смотреть.

— Он был далеко от вас?

— Нет. Близко. Шагов десять, не больше.

— А что же Козиков?

— Выпустил мою руку и вынул револьвер.

— И выстрелил?

— Выстрелил.

— Убил?

Все замерли вокруг, перестали дышать.

— Нет, не попал, — сказала Настя.

— Не попал? На расстоянии десяти шагов не попал?

— Не попал, потому что я схватила его за руку, за локоть, и не отпускала, — объяснила она едва слышно.

— А что же тот человек?

— Тот человек лег на живот в траву и выстрелил три раза.

И он упал.

— Кто он?

— Он, — повторила Настя; она не то из ненависти, не то из презрения называла своего отчима только «он». — Он упал, и я упала тоже, потому что держала его за локоть. Он уже больше не двинулся. Я встала и увидела того человека далеко-далеко. Он бежал вдоль самой воды к мосту. Потом его скрыли кусты перед самым мостом, потом огонь поднялся до неба, земля вздрогнула, я опять упала, а когда поднялась, моста уже не было...

Настя замолчала. Все молчали.

Коле страшно было взглянуть на маму. Но он пересилил себя и взглянул. Мамино лицо было бледно, губы твердо сжаты, глаза суровы, почти надменны. Нет, она не плакала. И Коля тоже не заплакал.

5

Виталий Макарыч заговорил тихо, ни к кому не обращаясь, словно сам с собой.

— Я смутно догадывался обо всем, — сказал он, — и теперь вижу, что догадка вела меня по верному следу. Я рассуждал так: из тех, кто явился тогда на Серебряный остров, не были убиты, кроме меня, два человека. Один из них предал нас, другой совершил подвиг — взорвал мост, отрезав немцам путь к

отступлению. Один из них был лощман Козиков, другой — учитель Николай Николаевич. Я знал их обоих. Ни одного мгновения я не сомневался, что мост взорвал Николай Николаевич, а предал нас Козиков. Но я хотел, чтобы об этом знали все, чтобы никто не смел сомневаться. Мне нужны были доказательства.

Он замолчал, чтобы перевести дыхание, и оглядел всех. Никто не шевельнулся. Все молча ждали.

— Я всегда не любил этого Козикова, — сказал он тихо, но твердо, — и знал, что многие в отряде не любят его. Он был слишком слащав, непрямоушен, слишком назойливо хвастал своим патриотизмом. Но в отряд он вступил гораздо раньше меня и ни в чем дурном не был замечен. Мне нужны были доказательства, и, лежа в госпитале с отрубленной рукой, я дал клятву, что найду их.

Он умолк, задумался и заговорил снова.

— Выписавшись из госпиталя, — сказал он, — я вернулся сюда, в этот город, и сразу принялся за поиски. Мне не везло. Я искал людей, связанных со здешними партизанами, и нашел их немало. Я разговаривал с партизанами других отрядов, которые знали многих из восемнадцати погибших. Я разговаривал с руководителями партизанского движения, которые поручили оставшимся в городе партизанам взорвать мост. Я разговаривал с колхозниками из той деревни, за протокой. Они слышали стрельбу на острове, они первые обнаружили убитых и похоронили их с почестями. Лощман Козиков, их сосед, был им хорошо известен, и они отзывались о нем, как о дрянном и недобром человеке. Но ни один из тех, с кем я разговаривал, не мог мне сказать с уверенностью, кто предал партизан и кто взорвал мост. У них были только догадки и предположения. Все они знали еще меньше, чем я. И вдруг я вспомнил, что у Козикова жила девочка, падчерица...

Он повернулся к Насте и спросил:

— Ты узнала меня?

— Узнала, — ответила Настя. — Вы сидели в углу, в землянке, когда я была там в последний раз.

— Да, — сказал Виталий Макарыч, — я сидел в землянке

у Архипова, когда ты пришла к нему просить, чтобы он взял тебя к себе. Мы с Архиповым очень удивились, и Архипов спросил, не бьет ли тебя отчим. Ты сказала, что не бьет, а только запирает в чулан, но тебе это ничего, ты привыкла, и все-таки просила Архипова взять тебя к себе и обещала ему стирать, и прибирать, и обед готовить. Отчего ты хотела уйти от Козикова?

— Мне не нравилось, что к нему по ночам приходил немец, — сказала Настя.

— А ты знала, что Архипов помогает партизанам?

— Нет, я ничего тогда не знала. Я знала только, что он очень не любит немцев. Я видела, как его жену угоняли вместе с другими женщинами в Германию, и знала, что у него сожгли дом, и сыновья его убиты, и что он поселился один в темной яме на берегу реки, и мне было жаль его, и я приходила к нему в гости. И когда я решила уйти из дома на острове, мне захотелось поселиться вместе с ним и помогать ему.

— Не мог я тогда взять тебя! — внезапно воскликнул Архипов, зашевелившись в своем темном углу. — Не мог я взять тебя, потому что жил у меня Николай Николаевич, и никто не должен был знать, что он у меня живет!

— Вспомнил я, что у Козикова живет девочка, — продолжал Виталий Макарыч. — И странный разговор этот вспомнил, когда она хотела уйти из родного дома, а почему хотела уйти — неизвестно. И стал я думать об этой девочке и понял, что только она одна, быть может, могла бы мне рассказать о том, что случилось. Но где она? Я стал искать ее и узнал только, что с той самой ночи она исчезла бесследно... И вдруг Архипов получил от нее письмо!..

Виталий Макарыч замолчал и задумался, и молчал очень долго. И все молчали вокруг, никто не шевельнулся, не двинулся с места. Потом Виталий Макарыч внезапно повернулся к Коле и посмотрел на него — внимательно и ласково.

— Марфа Петровна, — сказал он, — ваш Коля удивительно похож на своего отца!..

Мама подняла свою маленькую руку и положила ее Коле на плечо.

Э П И Л О Г

К началу учебного года школьное здание было приведено в порядок. Кое-что, правда, еще оставалось недоделанным, но чистые стекла голубели, отражая ясное сентябрьское небо, в голубовато-белых классах стояли свежевыкрашенные парты, так тщательно отремонтированные столярной бригадой, что старые доски невозможно было отличить от новых. Занятия уже начались, меловая пыль висела в воздухе, на переменах малыши играли в пятнашки и боролись во всех углах, а у дверей старших классов Вова Кравчук, сияя золотой головой, вывешивал объявления о собраниях комсомольцев.

Оглушительно пели звонки, и по длинным школьным коридорам проходил, спеша на урок, Виталий Макарыч, заведующий учебной частью и преподаватель истории, самый уважаемый и самый любимый человек в школе.

Агата тоже работала в школе — преподавала арифметику у самых маленьких.

За какие-нибудь три недели она изменилась просто на удивленье. Она очень пополнила, похорошела и снова стала похожа на ту Агату, которую Коля знал до отъезда в эвакуацию, — румяную, сильную и веселую. Малыши, встречая ее на школьном дворе, кидались к ней с разбегу, как когда-то Коля, и она, схватив их за бока, поднимала высоко в воздух.

Настя поправлялась медленно и вначале оставалась в комнате у Агаты просто потому, что ее опасно было перевозить куда-нибудь в другое место. Молчаливая, тоненькая, она лежала на кровати, почти не двигаясь, и смотрела в окошко, никогда ни о чем не спрашивая. Когда она поправилась настолько, что могла ходить, она вдруг объявила, что уходит в домик на Серебряном острове.

Агата ужаснулась:

— Как же ты там будешь жить одна?

— Ничего, — ответила Настя, — я привыкла.

Когда об этом узнал Виталий Макарыч, он очень рассердился и, конечно, никуда ее не пустил. Тут неожиданно ему пришлось выдержать настоящее сражение с Архиповым. Архипов

вдруг заявил, что он возьмет ее к себе, и она будет жить вместе с ним в землянке, потому что у него никого нет и он хочет заботиться о ней, как о дочке. Но Виталий Макарыч об этом и слышать не хотел, и в конце концов ему удалось убедить Архипова, что у Агаты ей будет лучше. Так Настя осталась у Агаты навсегда.

Настя была странная девочка, и долго никто не мог ее понять. Она никогда не смеялась, никогда не плакала. Она никогда ничего не просила и никак не выражала своих желаний, радостей, печалей. Гулять, бегать, играть она не любила. Она изо всех сил старалась быть полезной Агате — подметала, мыла, стирала, зашивала, штопала, готовила обед, ходила за хлебом. Но когда дела никакого не было, она могла сколько угодно часов подряд просидеть на одном месте — в комнате или на лавочке у крыльца, — не говоря ни слова. Если ей казалось, что вблизи никого нет, она начинала петь. Это было пение без слов, очень грустное.

— Она замерзла от долгого горя, — говорила про нее Агата.

— А как вы думаете, она когда-нибудь оттает? — спрашивал Коля.

— Она оттает, если сделать ее счастливой, — отвечала Агата.

И Настя «оттаивала». Правда, очень медленно, почти незаметно. И больше всего этому «оттаиванию» помогала Лиза.

Когда Лиза приходила к ней, бледные Настины щеки слегка розовели от радости. Но и с Лизой была она вначале тихой и робкой. Лиза приносила ей книги, и они обе сидели рядом, читали и молчали. Сначала они читали разные книги — Лиза одну, а Настя другую, — но потом им понравилось читать одну и ту же книгу одновременно, и, перелистывая страницы, они тихонько переговаривались. Когда в книге попадалось что-нибудь смешное, Лиза громко смеялась. Настя вначале только робко улыбалась, но потом стала смеяться и она. Когда Агата в первый раз услышала, как Настя смеется, она побежала в соседнюю комнату рассказать об этом Колиной маме.

Коля каждое утро отправлялся в школу вместе с Агатой. Он еще вырос, стал одним из самых долговязых мальчиков в ше-

стом классе, и теперь не только мама и Лиза, но и вся школа называла его Колоколей. Коля и Агата приходили в школу за несколько минут до первого звонка. Звонок давал Архипов, посмотрев на круглые часы в вестибюле и нажав кнопку.

Архипов не захотел расставаться с Виталием Макарычем, отказался вернуться на работу в совхоз и остался служить в школе. У него было много обязанностей: звонить, сторожить одежду в раздевалке, подметать двор, и он выполнял их не без важности.

Оказалось, что он довольно ворчливый старик — особенно доставалось от него тем мальчикам, у которых на пальто были оторваны вешалки. С Колей он был так же ворчлив, как с остальными, и только вдруг иногда ни с того ни с сего подмигивал ему одним глазом — весело и лукаво.

Коля знал, что в жизни Архипова совершилось великое событие: из немецкого плена неожиданно вернулась его жена. Она явилась к Архипову в землянку, и землянка ей не понравилась. И Архипов сразу же принялся строить дом. Он строил его сам, в слободе, на месте прежнего, сожженного немцами, и ручался, что новый дом будет лучше, чем старый. После окончания занятий в школе он отправлялся к себе на постройку. Таскать тяжелые бревна — труд в его возрасте нелегкий, но он только веселел с каждым днем. Ему было теперь для кого жить и работать.

Коля больше не чувствовал себя в школе новичком, у него появилось много товарищей. Но Степочки среди них не было.

Степочка уехал далеко-далеко, в другой город, и поступил в Нахимовское училище, чтобы сделаться офицером военноморского флота. Уехал он после длинного разговора с Виталием Макарычем. Он объявил Виталию Макарычу, что все равно учиться в школе не будет, а уедет на Черное море. И Виталий Макарыч, вместо того чтобы его отговаривать, посоветовал ему стать нахимовцем.

Виталий Макарыч сам отправился к Степочкиной тете и убедил ее отпустить Степочку. Виталий Макарыч сам написал письмо капитану 2-го ранга Перцову, командиру крейсера, на котором служил Степочкин папа, с просьбой прислать необходимые

бумаги. Всю переписку с Нахимовским училищем тоже вел сам Виталий Макарыч. И Степочку приняли.

Степочка уговаривал Колю ехать вместе с ним и никак не мог понять, почему Коля отказывается. Он даже рассердился на него и снова несколько дней с ним не разговаривал. Они помирились только на вокзале, в день Степочкиного отъезда. Они помирились, но Степочка так и не понял, почему Коля с ним не поехал. Коля не мог объяснить ему, что нельзя оставить маму совсем одну.

Из школы Коля каждый день шел к маме в библиотеку. Обычно выходил он вместе с Виталием Макарычем. Когда Виталий Макарыч шел из школы домой, его постоянно сопровождала целая стая мальчиков. Они выходили из школьных ворот, и веселый грохот строящегося города окружал их.

Город строился сразу со всех концов, весь был в лесах, в известковой пыли. Вокзал уже почти восстановили, и хотя лесов еще не сняли, всем уже было ясно, что он теперь лучше и красивее, чем до войны. В нижнем этаже универмага уже шла торговля, и витрины сверкали зеркальными стеклами, хотя в верхних этажах еще стучали плотники, настилая полы. Строилось новое здание горсовета, строился театр, а вокруг них уже росли скрытые лесами длинные прямые ряды двухэтажных и трехэтажных домов, в просторные квартиры которых должны были переехать жители землянок. Обширные пустыри над рекой очищали от кирпича и мусора, бузину вырывали с корнями и в разрыхленную землю сажали липы, клены, пихты: там разбивали новый парк, парк Победы. На реке расширяли пристань, и паровые молоты, гулко ухая, вбивали сваи в речное дно. Но особенно грандиозны были начатые работы по восстановлению взорванного моста через реку.

Взорванный мост, видный со всех концов города, носил теперь новое имя. Постановлением горсовета ему было присвоено имя Колиного папы. Выйдя из школьных ворот, Коля останавливался и смотрел на мост, хорошо видный над крышами домов, над вершинами деревьев. Виталий Макарыч тоже смотрел на мост, смотрели и мальчики. Огромные пловучие краны извлекали из воды затонувшие фермы, а отважные строители, висев-

шие над бездной на исковерканной паутине моста, казались неправдоподобно крошечными, как букашки.

Коля с Виталием Макарычем и мальчиками шли от одного строящегося здания к другому, и возле каждого они останавливались и смотрели, что сделано за сутки, что изменилось со вчерашнего дня. Здание росло у них на глазах, и каждое изменение они горячо обсуждали, радуясь, крича и прыгая; и Виталий Макарыч радовался вместе с ними, размахивая своей единственной рукой. Коля давно уже заметил, что в Виталии Макарыче, несмотря на седину в черных волосах, было много мальчишеского — в улыбке, в движениях, в способности увлекаться. Большой умный мальчик, да и только.

На углу Коля прощался с Виталием Макарычем и бежал в библиотеку. По пути он забегал в булочную за хлебом и в столовую за обедом. В библиотечный домик он теперь заходил с другого крыльца, с черного хода. Через читальный зал ему больше проходить не разрешалось — там была тишина, стояли столы, читатели шелестели листами книг. Две библиотекарши, мамы помощницы, бесшумно разносили книги, переговариваясь шопотом. Мама теперь сидела в своем кабинете, как и полагается заведующей, и руководила всей работой.

Здесь, в маленьком кабинете, Коля обедал вместе с мамой. Часто с ними обедала и Лиза. Она не могла больше помогать Колиной маме, как прежде, потому что училась в школе. Но ее тянуло в библиотеку, и после занятий она бежала сюда, захватив свои тетрадки. Пообедав, Коля и Лиза садились в углу кабинета за свободный стол готовить уроки. Лиза работала внимательно, долго, с необыкновенным усердием, и тетрадки у нее были удивительно чистые, украшенные пятерками. В Колиных тетрадках, к маминому огорчению, кляксы встречались чаще, чем пятерки. Зато Коля раньше Лизы справлялся с уроками и шел погулять, пока не стемнело.

Но в сумерки он возвращался в библиотеку. Он не хотел, чтобы мама одна шла домой в темноте. Он заходил к ней в кабинет и ждал, когда она кончит работать. Лиза сидела в углу и читала, ничего кругом не замечая. Коля тоже брал книгу и читал. Но время от времени он поднимал голову и смотрел на

маму. Он любил наблюдать за ней, когда она не замечает, что он на нее смотрит. Ему нравились озабоченные движения ее маленьких рук, раскладывавших карточки каталога, ее приветливый спокойный голос, нравилось движение головы, которым она откидывала волосы, упавшие на лоб. Иногда она, почувствовав внезапно его взгляд, поворачивалась к нему и улыбалась.

Потом они вдвоем шли домой по темным улицам. Он осторожно вел ее под руку, стараясь, чтобы она не споткнулась. Он был уже выше ее ростом и знал, что должен заботиться о ней и беречь ее.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> В родном городе	3
<i>Глава вторая.</i> На крыше	19
<i>Глава третья.</i> Поиски	40
<i>Глава четвертая.</i> Путешествие	73
<i>Глава пятая.</i> Настя	94
Э п и л о г	113

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об этой
книге присылать по адресу: Москва,
М. Черкасский пер., д. 1, Детгиз.*

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

*

Ответственный редактор Н. Максимова.
Художественный редактор В. Пахомов.
Технический редактор В. Артамонов.
Корректоры Е. Трушкова и А. Враньч.

*

Подписано к печати 16/VI 1947 г.
7½ п. л. (5,8 уч.-изд. л.), 35 000 экз. в п. л.
Тираж 30 000 экз. А00911. Заказ № 532.
Цена 4 руб.

*

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 4 руб.